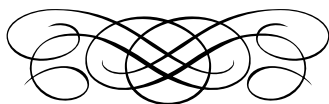

Великие поэты

Александр Чижевский

Музыка тончайших светотеней

Комсомольская правда • НексМедиа

Москва 2013

ББК 84 Р7
Ч 592

Иллюстрации Л. Черновой

Дизайн обложки И. Крюкова

Чижевский А. Л.

Ч 592 Музыка тончайших светотеней: [стихотворения] / Александр Чижевский. — М.: НексМедиа; М.: ИД Комсомольская правда, 2013. — 238 с.: ил. — (Серия «Великие поэты»).

ISBN 978-5-87107-514-2

В книгу вошли избранные произведения знаменитого советского ученого, основоположника гелиобиологии, аэроионификации, электрогемодинамики, изобретателя, художника, философа и поэта Александра Чижевского (1897–1964).

ББК 84Р.1

- © Сёмочкина О. В., Ягодинский В. Н., составители, 2013
- © Чернова Л., иллюстрации, 2013
- © Оформление обложки. ЗАО ИД «Комсомольская правда», 2013
- © Составление, оформление. ООО «НексМедиа», 2013

ISBN 978-5-87107-514-2

СТИХОТВОРЕНИЯ

Средиземное море

Какая пропасть между мной
И морем сине-необъятным,
Когда с зенитом благодатным
Соперничает глубиной.
На нем, как замысел проворный
Трепещет пламя — Солнце дня —
И не поймет оно меня
С моею думой непокорной:
Мы чужды духом — мы враги,
Хотя и кровные с ним братья:
Его прохладные объятия —
Мои последние шаги.
И, если волею чудесной
Оно бушует и, как зверь,
О скалы бьется, — о, поверь, —
Своей стихией бестелесной
Я предаю себя волнам,
И заодно в жестоком споре,
Скрутись, мы бьемся на просторе:
И любо нам и страшно нам!

1909, Ницца; испр. в 1943, Челябинск

Рождение весны

Покорны Солнцу и весне
И, одолев снегов плотины,
По необъятной ширине
Бегут ручьи, поют стремнины,
Ликуют с небом наравне.

А Солнце ближе все стремится
К земным лазурным берегам
В великолепной колеснице,
В сиянии, свойственном богам,
С зеленой веткою в деснице.

Мильоном дерзких голосов
Крик новорожденной природы
Мудрей премудрости веков,
Когда стихийно плещут воды,
Из смертных вырвавшись оков.

1910, Варшава; испр. в 1942, Челябинск

Осеннее раздумье

В последний серый день осенней непогоды
Дождь будто изнемог и ветер отстрадал.
Озябший влажный бор, дыханием природы
Окутанный в туман, недвижимо дремал.
Темней земли венец! Вечерняя пора!
Осенний тусклый мир блаженной, томной скуки!
О, доживу ли я до нового утра?
Иль, может быть, умру без горечи и муки,
Как умирает день осеннею порой,
Как сумрак тихий лег над дремлющей горой!

1911; испр. в 1952

Знойный полдень

Насекомых рошщут хоры,
Из густых взлетая трав;
Испаряются озера;
Ветер, в Альпы забежав,
Замер в небе; полдень чудный
Усыпляет райский сад;
Зреет в гроздьях изумрудный
Туголитый виноград;
И от крови клокотанья
Гул идет на целый мир,
А небесного сиянья
Цвет синее, чем сапфир.

1911, Италия

Весна в Тоскане

Изумрудные луга,
Изумрудные долины,
Цвет деревьев — жемчуга,
В тонкой сини гор вершины.

И на смутном фоне гор,
Восстающих, как виденья,
Трепеща, плывут в простор
Голубые испаренья.

Не пройдет и двух-трех дней —
Солнце мглу пронижет светом
И на юный знак полей
Ляжет золотом согретым.

1912

Флорентинский вечер

1

Тосканская земля вещает о тебе,
Великий Дантов дух:
На воздухе, на водах
Еще лежит отсвет огромной тени,
И музыка твоих терцин
Течет по небосводу
Лишь стоит повторить их про себя.

2

Люблю вечернею порою
Следить, как облака плывут
К альпийским берегам,
Как розовые отблески скользят
На упадающих в провалы синей тени
Изысканных каррарских колоннадах.

3

Смотрю: Арно струит былые времена,
Все тот же Сириус
Огонь свой плещет в водах,
И шагом медленным
Вдоль берега
Ступает Беатриче:
Уходит в ночь
Любви бессмертный призрак.

Слежу за ней,
Пока ночная тень
Ее не скроет очертанья...
Но ведаю:
Она идет в ночи,
Уже нас поглотившей...
Ей путь указывают
Травы и цветы,
И целый мир —
От сумрачных теней
Тускнеющей Земли
До самых ярких звезд
Звучит ее музыкой
Божественной канцоны.

1912; испр. в 1940, Москва

* * *

Не проклинай мои желанья!
Не нарушай мои мечты!
Я жить хочу для созерцанья
Плодов небесной красоты!
Хочу поверить в счастье света
В гореньи юношеских дней
И, как незванная комета,
Блеснуть миллионами огней!
Прощайте, дни уединенья
Вдали от жизненных забав,
Где чистый камень вдохновенья
Коснел в руде, себя не зная...
Теперь на путь вступаю новый
И лишь молю не проклинать
Моих стихов венец терновый,
Мечты желанной благодать!

1913, 1915, Калуга

Сонет

Когда наступит миг, — чудесный и святой,
Поймешь ли ты его, рассудишь ли лукаво —
Равно он ослепит чистейшей красотой,
Дыханьем вечности, несокрушимой славой.

Не разлагай умом! Пойми его душой,
Прочувствуй, созерцай в молитве величавой
И хочешь верь, не верь, но ведай: над тобой
Развеян стяг космической державы!

Незрим, как призрак, миг, неведом его час!
К тебе он залетел и навсегда угас,
Оставив некий след таинственных прозрений...

Поэт! им дорожи, и лишь ему молись
И человечеству восторженно явись,
Неся великий дар бессмертных песнопений!..

1913, 1916, Калуга

Степной дорогой

Ночь темноокая дышит прохладой,
Кони лениво бегут...
Что ж ты, ямщик! Ну-ка песню затягивай,
Долго ль раздумывать тут?

Спой мне, что доля твоя горемычная,
Спой мне о доле своей;
Знаю, ямщик, я, что песня привычная
Русскому сердцу милей!

Ну, брат, затягивай: время хорошее,
Степь да равнины кругом;
Кони живее пройдутся дороженькой
С бедным своим седоком.

Там на деревне есть отдых убогому,
Там ты забудешься сном...
Ну, брат, затягивай! В сумраке ночи
С песнею легче вдвоем!

Только я кончил, ямщик мой нахмурился,
Песню свою затянул;
Горько кручину крестьянскую выплакал,
Смолкнул да тихо вздохнул ...

Степи пустынные, даль неоглядная,
Мне до жилья далеко!
Экая, доля моя, ты тяжелая!
Да, брат ямщик, нелегко!

1914, Калуга

Памяти Лермонтова

3 октября 1914

Отрывок

Когда найдут в земле металла слиток —
В восторг приходит лицемерный свет.
Возникнет гений — алчной тьме убыток —
Все гады оживут клевет.

Ему подносят подлости букеты
И вместо лавров — сплетен кандалы,
И в храм искусства входят не поэты,
А трупы в саванах хулы.

Не храм, а склеп. Под сению закона
Здесь тлеют тени праздничных руин,
И на престоле бога Аполлона
Сияет полицейский чин.

Ужасный склеп! Здесь нет ни вдохновений,
Ни творчество не знает торжества,
Здесь меркнет мысль от смрадных испарений
И даже не растет трава.

Здесь заточают всех, в ком сердце живо
И пламень вечной правды не погас,
Кто головы не клонит горделиво
И страстно ненавидит вас,

Кто проклял вас, тираны-лицедеи,
Уроды власти, чуждые ума.
Пред гением — вы жалкие пигмеи,
А гений — не влачит ярма.

Он не покорен вам и знать не хочет
Ни ваших ласк, ни ваших ложных прав:
В спокойствии творит он и пророчит,
Все современное поправ.

Он видит даль сквозь призму размышлений,
И будущее явственно пред ним,
Из стройных числ, из бездны вдохновений
Сверкает контуром своим.

Как властный бог срывает он покровы
С явлений тайных, смотрит в глубь вещей:
Ничтожеству он мир дарует новый,
Рабов подьмет до царей.

Он — в будущем. Все близкое, родное
Томит его глубокою тоской.
С каким бесстрашием меняет он земное
На вечный сумрак и покой!

А вы гниете в липких лапах страха,
Трепещете за жизнь свою и власть,
Для непокорных подданных есть плаха
И кровопийство — ваша страсть.

Актеры жалкие — подобные Нерону —
Кривляетесь пред дикою толпой:
Подмостки сцены не уступят трону —
Актер у власти — все ж герой.

Здесь попрана свобода сапогами
Туших солдат. Кому о том тужить?
Под окровавленными небесами
Продажной мрази только жить.

Законч. 14.10.1914, Калуга; испр. в 1934, Москва

Сентябрьский день

Поет под дугой колокольчик,
Поет он о доле людской,
Поет — и за сердце хватает
Осеннею терпкой тоской.

На небе все тучи да тучи,
В бесплодьи буреют поля,
Покорно и молча уснула
Усталая мать-земля.

И пыль — только пыль вековая
Подолгу висит над глухой,
Исхоженной, древней дорогой
Своей пеленою седой.

Холодные синие дали,
Унылая голь деревень,
И плачет, и плачет, и плачет
Озябший сентябрьский день.

Близка мне твоя обреченность
И сладок мне горький твой хлеб...
О, Русь, мы разделим по-братски
Превратности темных судеб.

1914, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

Зимой

Гремит, звенит на Солнце день.
Слепят восторженные взоры
Розовощекие просторы,
Голубошаменная тень.

Сквозь остроколкий воздух видно
В лесу, как в храме огневом,
Деревья блещут искровидно
Литым, чистейшим серебром.

А Солнце ядрами дробится,
И, преломясь о зеркала,
В зеленом сумраке угла
Взлетают радужные птицы.

1914, Калуга

Вечерняя заря

Спит заглохшая тропинка;
Небо ясно, мгла темней;
В мире каждая былинка
Сладость чувствует ночей.

Всюду робкое молчанье.
Только — шепот ручейка,
Да листочков колыханье
Под набегом ветерка.

Силуэты темных елей
Дремлют в небе золотом;
Чащи тускло посинели,
Лес задумался кругом.

Мох упругий и росистый
Пахнет плесенью сырой,
Будто дождик серебристый
Шел вечернею порой.

Как прохладно! Как отратно
Грудью полною вздохнуть!
И, покинув в мир громадный,
В светлых мыслях утонуть.

1914, Калуга

Осенняя мелодия

Люблю я осенью златой
Бродить меж сосен и елей,
Меж фиолетовых полей,
В туманной роще молодой.

Люблю туман; покроет он
Волнами эти дали, реки
И на усталые мне веки
Опустит мимолетный сон.

Люблю я сон самозабвенья,
Когда могу я ширь души
Излить в недвижимой тиши,
Понять восторги вдохновенья!

1914, Калуга

Вечернее

Что за вечер! Тишь кругом;
Солнце у заката;
Чудно воды сладким сном
Вылиты из злата.

Гладь небесная светла;
Воздух безмятежен;
Думы гордые с чела!
Будь, мой дух, безбрежен!

Полети по лону вод,
Откликнись с восходом!
Много, много знал невзгод
Ты за годом, годом...

Гладь небесная светла;
Хорошо в молчаньи,
Одиноко где всплыла
Звездочка в сияньи!

1914, Калуга

Предутренный час

Луга в ночной росе, холодны и блестящи.
Стоит недвижимо склоненный знак полей,
И льется на душу таинственный елей,
Миротворящее, неведомое счастье.

Какая даль земли! Какая глубь небес!
Великолешие покоя и молчанья!
Державно высится чуть теплый, сонный лес,
А с неба падают последние мерцанья.

Их бледный луч скользит по сумраку лугов
И как бы ворожит над спящими цветами,
Над тонкой свежестью полночных жемчугов,
Рожденных на лугах, как в первозданном храме.

1914, Калуга; испр. в 1942, Челябинск

* * *

И в вашей памяти людской —
Такой неверной и мгновенной
Таится творческий покой
С его отрадой сокровенной...

Домчит ли к сердцу ветерок
Единый звук любимой речи,
Иль розы бархатный листок
Напомнит радостные встречи;

В благоуханьи растворен
Заснет ли сад перед балконом,
Сливая к ночи небосклон
В одно с земли померкшим лоном!..

Так, предаваясь мечтам,
В неверном, робком ожиданьи
Мы помянем, что было нам
В любви, надеждах и желаньи?..

Иль ночи темь, иль солнца свет,
Иль ветерочка дуновенье —
Пусть ничего у сердца нет,
Зато из сердца песнопенье!

1915, Калуга

В родном уголке

(В Александровке)

Вот приехал я в родные,
Стародавние места;
Точно капли дождевые,
Здесь душа была чиста...
Вспомнил, вспомнил, что бывало
Прежде в ранние года:
Все, что было, — все пропало,
Как падучая звезда!..
Вспомнил милую сторонку,
Тихих помыслов ковчег,
Пыль дорогой вперегонку
Да коней ленивый бег;
Вспомнил: дряхлая старушка
У опушечки жила;
Ее бедная избушка
Уж давным-давно сгнила,
А теперь домок сосновый
Кто-то выстроил опять:
Все для жизни — доли новой,
Чтобы жить — не умирать!
Вспомнил этот шум дубравный —
Шепот робкий, гул лихой,
Голос вьюги своенравной,
Пенье птички полевой.
Крест часовенки нагорной,
Что блестит издалека,
Друг желанный, миротворный
Золотого уголка.

Вспомнил: пыльную дорогу,
А за лесом молодым
По широкому отлогу
Место славилось грибным;
Тут когда-то собирали
Мы гурьбой боровики,
А за рощей распевали
Свои песни пастушки...

1915, Александровка (Брянск)

Музыка

В музыке есть сочетание звуков таинственных,
Сердцу понятных лишь, давних желанных гостей,
Чудно окутанных шалью прозрачно-невидимой...
Вы ли образы мысли неясной моей?

Осень печальная, вьюги порывы зловещие,
Ширь одинокая, небо зимы бесприютное,
Радость любви и восторги волшебные гении,
Вечность унылая, счастье прекрасно-минутное...

Думы прощальные: блеск от звезды упадающей
В бездну мирскую туманных желаний и грез...
Музыки звуки — сомненья души безотчетные;
Много в них жизни, мучений и горестных слез!

1915, Калуга

* * *

В минуты тихие безрадостной печали,
Когда мечты мои во мраке угасали,
Когда в груди моей теснился бедствий ряд,
Когда невольная — без цели и оград —
Душа усталая лишь горе познавала, —
Богиня чудная тихонько прилетала,
Вилася надо мной в сиянии голубом
И нежно трепетным ласкающим крылом,
Тоску унылую мгновенно отогнав,
Вела меня под сень раскидистых дубрав;
Манила в пестрый луг, усеянный цветами,
В поля златистые под знойными лучами
И окропив своей живительной водой,
Скрывалась в небесах волною голубой.

1915, Калуга

* * *

Провидя сердцем непогоду
Судьбы изменчивой моей,
Клянусь я скудную природу
Бессильных, немощных людей.

Пусть свободен шаг небрежный
И сердца творческий полет:
Дух будет ранен неизбежно
Стрелами жизненных забот.

И он умрет в разувереньи,
И мощь телесная падет,
И чует сердце в наслажденьи
Один губительный оплот.

И пресмыкаясь, и страдая,
Дрожат пугливые сердца,
И робость молится людская,
Чтоб Бог избавил от конца!

Но я — слабейший — не жалею
Ни благ, ни прелестей земных
И лишь одну мечту лелею,
Как бы избавиться от них!

И если каплями мученья
Мне опротивит жизнь моя, —
Отправит миг ожесточенья
Меня в могильные края!

1914–1918; опубл. в 1919, Калуга

При въезде в Москву

Опять воскресный шумный звон!
Опять Москвы родной соборы!
Как мил, прекрасен этот сон
При блеске утренней Авроры!

Люблю Кремля святой наряд
И главы этих дряхлых башен!
Их дух врагам доныне страшен,
А русским — вековечно свят...

За Русь, за мирную свободу
Молись, молись, столица-мать!
О, дай же, счастье дай народу!
О, научи нас побеждать!

1915, Москва

Воспоминания

Отрадны мне воспоминанья
Утраченных, забытых дней:
Рождают вновь они желанья,
И чувство гордого страданья
В душе проносится моей.

Откройте, думы дорогие,
Какой порыв мне вас прислал:
Мечты ли счастья молодые?
Высоты духа ли святые?
Я вас давно, давно уж ждал...

И вы теперь опять со мною;
Я счастлив... но одно мгновенье, —
И вновь своею быстротою
Польется жизнь рекой святою,
И вы — лишь только сновиденье!

1915, Калуга

Родина

Не презирай ее наряда:
Русь и в отрешьях хороша!
И в ней для любящего взгляда
Сквозит великая душа.

Безмолвной степи даль седая,
Лесов дремучий хоровод,
Кругом поля да рожь густая
И светло-синий небосвод.

Простор и бедность — наши села,
Усадьба — мирный уголок,
Лихая тройка, день веселый
Костра синеющий дымок.

Белеет храм с зеленым кровом,
Вдоль над проселком пыль стоит,
А здесь, в тени с челом суровым
Пастух задумчиво сидит.

Твоя душа — в твоём покое,
В твоём труде — святой завет...
Все это наше — все родное —
И для души прекрасней нет!

1915, Калуга

У памятника П. С. Нахимову

Защитник Южных Берегов,
Служа престолу и России,
Ты побеждал ее врагов
В години сумрачно-глухие.

Как в жизни был ты тверд и прост —
Отлит из наилучшей стали,
Таким стоишь во весь свой рост
На этом скромном пьедестале.

У ног твоих лежит гранит,
Как ты – неразделимо цельный,
И память русская хранит
Твой образ в чистоте предельной.

1915, Севастополь

Величие человека

Есть два предела нашим взглядам:
Частица пыли и звезда,
Но так ли то: они ль не рядом
И неразлучны никогда?
И как в глухом круговращеньи,
Где точка точку сторожит, —
Так и в земном перемещеньи
Непостижимый смысл сокрыт.
И в сих кругах необратимых
Горит сознание: оно
Среди колец необозримых
Являет должное звено.
Не избежать ему земного,
Иным доверившись мирам,
Лишь пылью праха рокового
Скользит в кольце, по пустырям.
О, человек, о, как напрасно
Твое величье на земле,
Когда ты — призрак, блик неясный
Из пролетающей пыли,
А между тем, как все велико
В душе пророческой твоей —
И очи сумрачного блика
Горят глубинами огней.
Как ты в незнании несмелом
Постигнул таинство миров
И в ветерочке прошумелом
Читаешь истины богов.

Так где ж предел, поправший цельность
И бесконечности закон?
Смотри: ты Солнцем озарен,
И твой предел — есть беспредельность.

1915, Калуга; испр. в 1942, Челябинск

Из темницы

В час веселья — милый час,
Други, вспомните о нас!
Мы бывало тесный круг
Смехом звонким озаряли —
И светлели лица вдруг,
Взоры радостно сияли!

Вдалеке от той поры
Нам теперь не до игры!
Грустен наш убогий вид
И тоской унылой веет;
Только сердце говорит
Да надежда не стареет!

Если ж позднею порой
Глухо все во мгле сырой
И тюремщики храпят
В гулко-каменном молчаньи,
Как настойчиво болят —
Наши груди в ожиданьи!

Но надежда все ж сильна,
Набегают волны сна
И несут бывшее нам
В лучезарном сновиденьи,
И уносимся мы к вам
И пируем в восхищеньи!

В час веселья — милый час,
Други, вспомните о нас!
Не забудьте, что вино
Клятвы стойкие дарило!
Отыщите наше дно
И расторгните могилы!

1915, Калуга

* * *

В пылу сердечных увлечений,
Иллюзий радостных любви
Мы забываем яд сомнений
И песни грустные свои;
Пройдут они — опять скучаем,
Глядим вперед, чего-то ждем,
Былые призраки ласкаем
И песни старые поем. —
Так в нашей жизни вереницей
Одно сменяется другим:
Денница — новою денницей
И старость — веком молодым;
Тревога — новою тревогой;
Лишь время, время стереги!
Оно летит прямой дорогой,
Не возвращаясь на круги!

1915, Калуга

Летний дождик

На небе тучи половою
Как бы недвижимо стоят.
Перед вечернею грозою
Притих зелено-синий сад.

Столь обольстительно-нарядный
Он истомился, недвижим,
И ждет дождя, а дождь прохладный
Дразня его, лежит над ним.

Но вдруг в далекой роще — там,
Где средь берез темнеют сосны
И не смолкает птичий гам,
И звонкий свист многоголосный, —

Вдруг прошумело по листве
И вот все ближе и скорее,
Закапал дождик по аллее,
По непокрытой голове.

1915, Калуга; в дальн. значит. испр.

В Гефсиманском саду

Настала ночь. Светился лик Луны.
Молчал небесный хор в прозрачной вышине.
Как чуток мир! В глубокой тишине
Поникнули сады истомою полны.
Он робко шел и отстранял листы
Своей дрожащею мозолистой рукою;
Одежд Его касались кусты
Благоуханных роз, покрытые росой.
Спаситель знал печальный свой венец
И близость всю страданий казни лютой,
Но Человек Он был, и тяжкою минутой
Молился горячо: «Спаси Меня, Отец!»

И Он руки с молением в высь простирал,
И в безмолвии их опускал...
Эта ночь... вся ждала и молилась сама,
Вся любовью чудной полна
Сияла меж листьев заветных дерев...

1915, Калуга

* * *

Мы, как артисты, каждый день
Играем тонко и отлично
В любовь, интриги, страсти, лень
С улыбкой делано-приличной...

Пробор английский и монокль,
Цилиндр, смокинг и перчатки,
И ежедневный five o'clock,
И ежечасные повадки!

Артисты вечные — увы!
Нет ни кулис и ни уборной!
Как мертвецы — мы не мертвы
Своею жизнью узорной.

И, как живые, не живем!
Готовы льстить и пресмыкаться,
Чтобы когда-нибудь, потом
И до чего-нибудь добраться!

И, если спросят нас: «Pardon,
Каких вы взглядов и воззрений»,
Мы отвечаем в один тон:
«Я, так сказать, особых мнений!»...

Отличный, вылощенный муж,
Безукоризненность, осанка,
Сигары, карты, кардон руж
И на Фонтанке — итальянка!

1915, Калуга

* * *

Страпашь желанья своего,
Я мыслю: все дела земные
Не оставляют ничего,
Следы свежая бытовые.

И, если я тебя люблю,
Люблю безумно и желаю,
Я о тебе, мой друг, скорблю,
Я о тебе, мой друг, вздыхаю!

Воздушность легкая кудрей,
Девичьи робкие движенья —
И проблеск нежности твоей:
Вниманье, взгляды и волненья —

Все для меня — весенний сон,
Мгновенный, светлый и прекрасный!
О, если б не вшлотился он
В позор удушливо-ужасный!

Ловлю все трепеты любви
И электрические ласки,
И мыслю: все мечты мои
Боятся света и огласки!

1915, Калуга

* * *

Ужели суждено и мне
Мелькнуть, как метеор прекрасный
Мелькает в сонной вышине
Стрелой мгновенной и напрасной!
Кто уследит его полет?
Кому он дорог, житель чудный,
Что небесам хвалу поет
Вдали от жизни многотрудной!
Ведь редко кто-нибудь подчас
На небо взоры устремляет,
Но даже и привычный глаз
Его огня не замечает...

Ужели мой земной удел
Подобен будет метеору:
Бог весть, откуда прилетел
И скрылся недоступно взору!..
О, если так, тогда забудь
Мечты свои, умолкни, лира,
Таись, скрывайся где-нибудь,
Вдали от призрачного мира!
А ты прощай, ненужный свет!
Как бесполезное созданье,
Уйдет непризнанный поэт
Без страха и без колебанья...

1915, Калуга

* * *

Зачем мечтательные годы
Минутной юности моей
Идут без счастья и свободы
Среди докучливых друзей
И этих стен однообразных?..
В порывах сладостных моих
В часы раздумий полупраздных
Слетает с уст недолгий стих,
Как призрак, ведающий тайной
И как прозрение случайный...
Слетит, и вновь часы идут
Своей дорогой равномерной;
Пришли — ушли, идут — пройдут,
И канут в вечности безмерной...
О, как чужды, несносны мне
Забавы радостного мира!
В своей живу я тишине:
Мой верный друг и спутник — лира
Мою спокойную печаль
Со мной сливает суеверно;
Так вечереющая даль
Хоралы бездны бесконечной
Через эфирный свой хрусталь
Сольет с природою беспечной,
И, низведя туманный сон,
В молчанье тихо погрузится
И, вот, кругом зашевелится
Видений смутный легион...

1915, Калуга

К 80-летию убийства Пушкина

29 января 1917 г.

Чорт надоумил меня родиться
в России с душой и талантом.

Из письма Пушкина к жене (1836)

Завтра казнь, привычный пир народу.

Пушкин «Андрей Шенье»

Как будто в гробе, тьмы людей
Молчали.

Пушкин «Полтава»

Ни от чумы, ни от стихии,
Ни от враждебных, чуждых сил —
Поэт погиб от рук России
И о пощаде не просил.

Не все ль равно, кто был убийца:
Их тьма — в глубоких недрах тьма,
Везде — одни и те же лица,
Один палач — одна тюрьма.

Тюремщица живой свободы,
Убийца творческих идей,
Ты клонишь в прах родные всходы,
Страна, — бездушный лицедей.

Страна, где страх порабощает,
Где перед властью ум дрожит, —

Талант скорбит и погибает
И гений в ужасе бежит.

Бежать хотел поэт великий
И намечал широкий путь:
Во Францию ль, в Китай ли дикий —
Скорей, скорей куда-нибудь.

Туда, где творческие силы
В свободе духа могут зреть,
Где нет тюремщиков постылых,
Запрета нет дышать и петь.

Напрасны были упования:
В краю, где царствует топор,
Поэта скромные желанья
Нашли бессмысленный отпор.

Кто за поэта заступился?
Кто правду молвил, чтобы свет,
Ее услышав, обагрился
Кровавым потом, о, поэт?

Увы, трусы-хамелеоны,
Вся гнусь земли, вся мразь, вся тать, —
Молчали многие миллионы
И не посмели пожелать!

Увы, страна делила с властью
Убийственное торжество.

В крови, в тоске с предельной страстью
Изнемогало естество.

К скале, как Прометей, прикован,
Поэт мог горько проклинать,
Что здесь рожден и уготован
Судьбину страшную принять.

И принял он. Но гнев народа
Не воспылал. Поэт затих.
Лишь хитроумная природа
Зло улыбнулась в этот миг.

1916, Калуга

Осень

Опять знакомая истома
Тревожит существо мое,
Опять стою у перелома
И созерцаю бытие.

Еще за окнами моими
Тепло последнее поет
И над озерами лесными
Туман поутру восстает.

Дневное небо светло-сине,
Золотолист и весел сад,
В его рedeющей вершине
Грачи встревожено шумят.

А в доме — странное томленье,
По щелям бродит тонкий свист,
Как будто струны в отдаленье
Перебирает бандурист.

Окно откроешь — ветер ясный
Пронизывает холодком,
И легкой неги так напрасно
И безнадежно-тщeтно ждем.

Опять знакомая истома
Тревожит существо мое,
Опять стою у перелома
И созерцаю бытие.

1916, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

Весенний вечер

Из туч серебряных луна
Не смеет выйти на свободу
И — в белый дым погружена —
Чарует мгlistую природу.

Мир тускло-призрачно блестит
И ждет как будто наважденья;
Лист в бурых кучах шелестит
От вешнего прикосновенья.

Повсюду устоялась грязь
И тонкий дым волшебно-странный.
Возникла родственная связь
Души и теплоты желанной.

Струится нежная печаль
Из прозябающих растений:
Душе непознанного жаль —
Вмиг ускользающих видений.

Но нечто радостное есть
На лунно-дымном рыхлом поле:
О жизни благостная весть, —
И ты покоен поневоле.

6 апр. 1916, Калуга; испр. в 1952, Караганда

* * *

Прости, последнее прости,
Моя заветно-дорогая!
Я ухожу на полшуги,
К ногам с слезами припадая.

Я ухожу... Судьба велит!..
Не надо слез и слов ничтожных,
Слеза лишь сердце растравит
Для упований невозможных...

Но, если вспомнишь ты меня,
Но, если ты мечтой коснешься
Разлуки горестного дня —
Я знаю ты не улыбнешься...

Но слез не лей и не грусти,
Я не достоин сожалений!
Прости, последнее прости
Для новых грустных песнопений!..

1916, Калуга

* * *

В этом мире беспредельном
Блеска, лжи и пустоты
Звезды искрятся бесцельно
С недоступной высоты.

И пройдут веков миллионы —
Также будет человек
Черпать смутные законы
Из грязи, чем славен век.

Посмотрите ж хоть случайно
На ночной небесный свет!
Где ж сокрыты ваши тайны?
Просто — все! Загадок нет!

Так зачем же заблужденья
Злым незнанием питать!
Если чище побужденья
Ничего не познавать!

Как ни быть, друзья, а все же
Мир на трех китах стоит!
Вот — обман, и он дороже:
Больше сердцу говорит!

И хоть сгнило наше племя
От тоски да от труда —
Будет, будет наше время,
Будет наша череда!..

Позабудем мы, что знали,
Книги старые сожжем
И наследные печали
Хлынут в древний водоем;

И понятен сразу станет
Этот звездный, тихий свет...
И пусть гром над миром грянет —
Мир спасем от зол и бед!

И как будто б и не были
Люди мудрыми совсем! —
Все помчимся в звездной пыли
В очарованный эдем!..

1916, Калуга

* * *

Вокруг, как прежде, жизнь кипит:
В душе, как прежде, одиноко:
То вера тайная молчит,
То веришь в тайны ненароком!

Что в этой скрыто глубине,
Такой печальной и заветной?
Песчинка ль мудрости во мне
Или вопрос мой безответный?

1916, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

На самолете

Объятъя ветра так упруги,
Волнующа простора грудь.
Стремлюсь на выспренные круги,
Чтоб горним воздухом вздохнуть.

Мой верен руль, верны педали,
Рука не дрогнет — решено,
А увлекающие дали
Пьянят, как старое вино.

Я — одиноко. Я бросил землю.
Мотор — мой лучший, верный друг.
Преображенным мир приемлю
Сквозь лопастей прозрачный круг.

На сини неба — блеск металла
И крыльев белый разворот:
Душа небесного взалкала
И в небо мчится самолет.

1916, Галиция, действ. армия

* * *

Забьта лира... Стих молчит,
В оцепененьи прозябаю,
Умом безвыходно страдаю,
Душа утешиться спешит.

Вокруг озлобленная власть
Царит со дня существованья,
Дарит болезни и страданья.
Всю жизнь страдать — и не проклясть!

1916, Калуга

Родина

Поля, леса, долины, реки, горы
И неба необъятного простор
И тихих звезд сверкающие взоры
И мысли — широчайший кругозор, —

О, все, что с детства душу волновало
Пленительной, тревожной красотой, —
Опять душе так больно-близко стало
При ярком звуке родины святой.

И я, беглец, проклявший эту землю
Во времена стихийных непогод, —
Опять люблю, опять тебя приемлю,
Мятущийся, родимый мой народ.

И, опустившись к глыбе этой черной,
Живую правду постигаю в ней:
О, нет нигде для сердца обороны,
Как на пределах родины своей.

1916, 1920, Калуга; испр. и доп. в 1952, Караганда

В Муранове

Ф. И. Тютчеву

Почтительно пройдем по комнатам пустым:
Здесь величайший из земных поэтов,
Отмеченный судьбой — бессмертьем вековым,
Мучительно искал трагических ответов.

Душа его жива. Меж этих старых стен
Она вся потрясенная витает,
И временам иным, средь смуты и измен,
В остоленении, в отчаяньи внимает.

И узнает свои предчувствия она:
И прорицанья смутно-бредовые,
И двойственную явь пророческого сна:
Все претворилось в ад и в ужасы живые.

И точно пифия, поэт вещает вновь
Грядущее — в предельном иступлении:
Нисходит в бездну мир — и пламенеет кровь
На человеческом и божеском твореньи.

1916, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

Перед дуэлью

О пой, о пой, моя свирель, —
Хочу с тобою попрощаться:
Его я вызвал на дуэль
И утром буду с ним стреляться!

Он оскорбить ее посмел,
Я не могу простить обиды
И свой таинственный удел
Несу под сень моей эгиды...

Пусть так! Рука не задрожит
Направить выстрел своеправный!..
Где твой успех, где верный щит,
О, рыцарь низкий и бесславный?..

Я не жалею никого, —
Ни мира, ни людей, ни славы,
Я пламя сердца своего
Тушу для вспылчивой забавы...

А ночь пугливости полна,
Полна истомы безразличной,
И смотрит прямо на меня
Своею маскою безличной!

О, как сжимается рука!
О, как плывут надменно строки!
Предчувствие смерти и тоска —
Не вы ль последние уроки?..

Я в жизни много повидал,
Увы, не многим наслаждался,
И вот теперь девятый вал
Моею жизнью упился.

Шуми, шуми, ненужный свет!
Блистай, о Солнце, огнецветно!
Какой безжалостный привет
Тому, кто ляжет безответно!..

Но вместе жить! Нельзя, нельзя!
И путь земной с путем сойдется;
Одна загробная стезя
Лишь никогда не отзовется...

Но что это? Шаги?.. Идут?..
Уже настал и час условный...
Друзья! За мной! Я тут, я тут
Вас жду готовый, хладнокровный!..

1916, Калуга

* * *

Хотя б единый луч мерцал в ночи беззвездной,
Хотя б единый луч во мрак земной проник!
Но пасть разинул мрак — разинул зло и грозно:
О этот душный мрак всех зол и бед земных.

Восстал мой дух. Кругом глухие стены гроба
И тяжкая земля, почившая вокруг.
О, взрыв тоски людской: отчаянье и злоба:
Сверхчеловеческий, сверхжизненный недуг.

В глухом небытии, позорной летаргии
Лежу в гробу души, померкшей, но живой,
А над пластом земли беснуются стихии
И слышен бред, но бред, как правда, роковой.

1916, Калуга

Ночь перед боем

В шинелях грубых и простых
Бойцы дремали. Видно их
Объяла смутная волна,
Забвений радостных полна
Или предчувствий роковых.
Все было тихо. Лишь порой
Трепал далекий пулемет,
Завидя вражий переход,
Или усталый часовой,
Чтоб не уснуть в тиши ночной,
Стрелял тревожной чередой.
Я головой своей поник
И слушал боевой язык —
Винтовок четкий разговор —
Знакомый мне с недавних пор.

Кругом — окопов темных тень,
Усталость, сумрачность и лень,
И где-то говор — бред глухой
И блеск штыков полуживой,
А завтра в бой, а завтра в бой...

Угрозой терпкой роковой
Вся ночь была напоена:
Решиться должен спор людской;
И перед боем тишина
Была молитвенно-нежна,
Поила сладостным вином,
Махала бархатным крылом,
Летела к звездам в ночь, в июль.
Вот вражий выстрелил патруль

И пуля свистнула серпом.
А мысль за мыслью звеном
Металась в суетном бреду
И спотыкалась на следу,
Увидя смерть, услыша стон, —
И прерывался полусон.
Все было тихо: враг устал
И незаметно задремал,
Склонившись к бледному штыку.
Во сне мы были начеку.

22 октября 1916, Галиция, действ. армия

Поэзия

Поэзия есть чудо, раскрытое богами:
То разума сиянье, то чувства утонченье.
О, смертный, наслаждайся — прильни плотней устами
К насыщенному кубку: в нем — скорби утоленье.

И мир перед тобою в тот миг преобразится:
Незримое — увидишь, неверное — исчезнет,
И нового познания светило загорится
Во мраке первозданном — твоей душевной бездне.

Конец 1916 – начало 1917

Поэт

Нет, вы не верите в поэта!
Для вас поэт — мечтатель лишь,
Ваш ум ни музыкой сонета,
Ни страстной правдой не смутишь.

Живой души негодование
В его устах звучит для вас,
Как звук пустой, иносказанье,
Вне жизни, полное прекрас.

Поэт — он прям, и лицемерить
Не может он, не станет он:
Поэту надо больше верить —
И будет мир преображен.

Он без корысти служит миру,
Единый чистоту сберег;
Как символ света держит лиру
Над мраком всех земных дорог.

Конец 1916 – начало 1917

Поэту

Понапрасну не терзай
Сердце тщетною тревогой,
Никому не объясняй,
Отчего так грусти много;
Люди жалки и смешны,
Видят мелочные сны,
Все на смерть обречены
И идут своей тропой
Безотрадною толпою...
Всеми властвует обман:
Никому никто не верит,
Каждый жаждет новых ран
Да притворно лицемерит;
Слезы льются хоть ручьем,
Только мелок он и грязен,
Только к ближним неприязнь
Выливают люди в нем...
Так зачем же вдохновенье
Перед ними расточать
И позорно выставлять
Сердца лучшие стремленья?
Не поймут пустой душой,
Что тебя терзает вечно,
А пройдут перед тобой,
Улыбаяся беспечно...

Конец 1916 – начало 1917

Поэту

Ты согрешил, но ты прощен.
Покойся в солнечной могиле.
Нам всем дано по малой силе,
Но ты был свыше отягчен

Непостижимым горним светом
И вещим даром волшебства,
И, претворив свой дух в слова,
Ты стал безумцем и поэтом.

И вот теперь на грани той,
Что отделяет мир от мира,
Звучит твоя живая лира,
Чистосердечной красотой.

О, в этом мире все случайно:
Случаен грех, но вечен Бог.
Тебя он примет в свой чертог
С твоею одинокой тайной.

Конец 1916 – начало 1917

Утопическая мысль

В изгнании крепнут убежденья:
Мужайся духом, кто гоним!
За кровь, за пытки, за гоненья
Врагам сторицей воздадим.

Застенок породит застенок,
Тюрьма — стостенную тюрьму,
И мир погибнет за бесценок
В братоубийственном дыму.

Таков наш суд и осужденье!
Но выход есть из тьмы и зла,
Когда б Земля в одно владенье
И в строй единый перешла.

1917, Калуга

Человечество

Какою ветхою картиной
Тысячелетья мир лежит,
Лежит и спит непостижимый,
Лежит и спит.

Его ни молнии, ни боги
Не могут пробудить от сна,
И веет в пыльные чертоги
Лишь тишина.

Но человека род бессонный
И духа исполинский труд
Зажгли огни во время оно
То там, то тут.

Вокруг огней толпятся люди,
Безумствуют и говорят;
У них умы, сердца и груди
Всегда болят.

И чем огни сильней пылают
И чем светлей, ясней вокруг,
Тем люди все тесней сжимают
Свой узкий круг.

И видно с высоты, как скоро
Среди прозрачной тишины,
Где был огонь — немного сора:
Все — сожжены.

1917, Калуга

* * *

Опять пришел я в этот сад
С его столетними дубами,
Что так приветливо шумят
Темно-зелеными листьями.

Опять я вижу ту скамью,
Где столько раз сидел с тобою,
И тот же теплый ветер пью,
Как позапрошлою весною.

Мир все таков, как был вчера:
Ушедшее вернулось снова, —
И та же на дубах кора
И на одном из них — два слова.

Блестит трава, цветет сирень,
И мир под солнцем зеленеет
И тот же светозарный день
Извечной молодостью веет.

Чего же мне недостает,
О чем невольно я вздыхаю?
Ах, ведь я собственный уход
Живым из жизни провожаю.

1917, Калуга; испр. в 1952, Караганда

* * *

И ты прошла, как все проходят мимо,
И стала тайной для меня,
Но свет любви летит неудержимо
К тебе сквозь тьму земного дня.

Коснется ль он очей твоих прекрасных
В иных полях, в иной весне,
Иль в бредах духа пламенно-напрасных
Погаснуть обречен во мне.

И ты, и я уйдем невозвратно
И канем мы в единый сон,
В глубокий сон, в тот сон неудержимый,
Что в тьмы и тени погружен.

1917, Калуга; испр. в 1952, Караганда

Вечерняя песнь

Огоньки зовут и манят —
Улетел бы на край света,
Где никто уж не обманет
Легковерного поэта.

Дали смутно голубеют,
Небеса порозовели:
Не меня ль они жалеют
И тоскуют не по мне ли?

Серп Луны проглянул ясный;
Струны к сердцу он протянет;
Край родимый, край прекрасный
В душу явственно заглянет.

Разверну свои я крылья:
Ветерок по небу вьется —
Незаметно, без усилия
Сердце в небо унесется.

1917, Калуга

Стансы

Как черны дни! Как страшны ночи!
Земля поникнула челом!
Сердца грубее и жесточе,
Дышать труднее с каждым днем!

Когда же этот спор ужасный
К концу желанному придет?
Век двадцать первый, беспристрастный
Итог бесстрастный подведет.

Но современник, изнуренный
Раздором, буйством без конца, —
Клянет народ непросвещенный,
Клянет безумные сердца!

А жизнь идет и нет ей дела
Живет иль страждет человек,
И от предела до предела
Свершает одномерный бег!

Цветы растут — и блекнут снова,
Года проходят точно миг,
И память лучшего былого,
Увы, не остановит их!

А потому, о, дорожите
Минутой каждою, друзья,
И если можете — живите,
Смеясь, играя и любя.

1917, Калуга

Мгновенье

Молниеносно окрыленный
Пространство пересекаю я,
И строй идей, в уме стесненный,
Кишит, как кипятка струя.

И я ловлю его движенья
В смятеньи алчущей груди
И, преисполнен нетерпенья,
Себя бросаю позади.

Порыв души, отбросив тело,
В неизмеримое летит,
Но сумрак крайнего предела
Проникновенье тормозит.

Поэт, лови мгновенье это
И докажи, что в силе ты
Заставить мимолетность света
Себя раскрыть до наготы.

1917, Калуга; испр. в 1950-х, Караганда

* * *

Устав от суеты всеобщей
Да и от собственных сует
Мы, по привычке, уж не рошдем,
А в ночь идем и гасим свет.

И наступает безразличье,
Бесчувственность, покой и сон.
Мертворожденному в отличие
Огонь в груди моей зажжен.

И прерывается мгновенно
Всеотчуждение во мне,
И я, страдая сокровенно,
Испепеляюсь на огне.

1917, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

Во время бессонницы

Томила ночь меня предельной пустотой.
Часы стучали в мозг костлявою рукой.
Безумья близость я во мраке ощущал,
И в черном пламени метался и сгорал.

И, разметавшись в чад, я реял среди чернот,
Над беспредельными провалами пустот.
И снова крови ток, наполнив мне виски,
Язвил бессонный мозг всемирностью тоски.

Конец 1917 – начало 1918

Бессонница

Свет полночный, свет унылый,
Дым из звездного кадила,
Расклубился за окном.

Из-за туч луна мигает,
Нечто тайно замышляет,
Бродит по полу лучом.

Вот подкрались тени ночи:
Любопытные их очи
Загляделись на меня.

Полупризрачные тени —
Ряд расплывчатых видений
Впечатляющего дня.

Утомительно-докучно
Одномерно-однозвучно
Тени бродят в тишине.

Легкий шепот раздается,
Абрис трепетно крадется
По мерцающей стене.

Захочу я повернуться —
Силуэты встрепенутся,
Увильнут в свои углы.

И из уст теней чуть зримых
Еле-еле различимых
Звуки слышатся из мглы.

Вот движенье... Что же это?
Шум свистящий, брызги света
Ощущаю я вокруг.

Этот гул и бесконечность
Вихрей звездных быстротечность,
Эта необъятность вдруг, —

«То полночи приближенье —
Час, когда слышней круженье
Необъемлемых светил.

Спи же, спи, забот не зная», —
Кто-то шепчет наклонясь,
Отуманен и уныл!

Промелькнувшая минута,
Весть бессонного приюта,
Улетает далеко.

Где-то плач, кому-то больно,
Стих слагается невольно,
Упоительно легко.

Отбиваю такт я ровно,
Весь холодный и бескровный;
Жил ли я когда-нибудь?

Может, эти дни, недели,
Что без счета пролетели,
Только призрачная муть?

Свет полночный, свет унылый,
Дым из звездного кадила,
Расклубился за окном.

Из-за туч луна мигает,
Нечто тайно замышляет
Проникающим лучом.

Конец 1917 – начало 1918

* * *

Ночь. Тишина. Покой и сон.
Мерцанье звезд. Реки движенье.
Чернолазурен небосклон
И черно-сине отраженье.

Хоть тишина кругом поет,
Но беспокойно сердце стонет,
И мнится, что Земли полет
Нас безудержно в бездну гонит.

И слышится сквозь тьму ночей
И свод небес легко-воздушный,
Как льются слезы из очей
В тоске мучительной и душной;

Как просят люди у Творца
Себе забвенья и отрады,
Но нет и нет слезам конца,
Но нет и нет сердцам пощады!

Напрасны слезы и мольба!
Неумолимый Бог не внемлет
И смрадно-липкие гроба
С безмолвной строгостью приемлет.

Конец 1917 – начало 1918

Сны

Из глубины идут звучанья,
Из глубины и тишины,
И возникают созерцанья,
И сны бегут, как явь, — но сны!

Непостижимый нам дотоле
Метафизический полет
Уносит к небывалой воле
И звездным вихрем обдает.

И мы влетаем в постиженья
И в нестерпимо-яркий свет.
О, нет тому осуществленья,
Чего на самом деле нет!

Конец 1917 – начало 1918

Осенняя смерть листьев

Как странно лист шуршит полночною порой;
Как странно лунный свет склонился над горой;
Как странно властвуют деревьев очертанья!
Печален этот час тоски и созерцанья!

Не узнаю тебя, знакомый старый сад;
Не узнаю тебя, Луны недобрый взгляд;
Не узнаю я вас, деревья и поляны:
Вы в онемении, вы точно бездыханны!

Не узнаю тебя, мой беспокойный дух,
Как будто бы и ты безропотно потух;
Не оттого ль — скажи — что лист шуршит осенний
Без веры, без надежд весенних воскресений?

1917, Калуга; испр. в 1952, Караганда

* * *

Как мне скучна людская суета
С ее ничтожными делами:
Пустая, иллюзорная фата,
Туман, давящий над нами.

Мне надоел постылый хоровод —
Галлюцинаций, зла и зелья,
Я жду тебя, конец, тебя, исход,
Я жду пустынного похмелья.

Но если там, за рубежом земным,
Начнется жизнь — и без предела, —
О дух, гори и осадись, как дым,
На исстрадавшееся тело.

Чтоб я тебя собрал и дважды сжег
И пепел в пропастях развеял,
Чтобы тебя мучитель-бог
В угоду мукам не посеял!

1917, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

Весна

Какая грустная весна!
Какое хилое созданье!
Лишь родилась — обречена
На одинокое страданье.

Блеснуло солнце по лугам
Космически-предельным счастьем.
Легко и жить, и верить нам
С его живительным участием!

Но день прошел — настал другой
И омрачился ненароком,
И капли влаги дождевой
Струятся по холодным стеклам.

1917, Калуга

Тучкам

Что вы хмуритесь тучки? О чем вы рыдаете?
Что за горе у вас? Что за грустные жалобы?
Видно, долю свою вы слезой выливаете:
Не печалилось небо — рыданий не знало бы...

Но счастливее вы — вам отрада всесветная —
Налетит ветерок — слезы выльются серые —
Просветлеете вы — как слеза незаметная
Заблестите на Солнце, как крылышки белые...

Хоть бы раз мне подняться к вам в стороны ясные
И поплавать душой и проститься с слезами,
Чтобы мысли мои — эти мысли ненастные
Говорили бы с Солнцем одними словами!

1917, Калуга; испр. в 1918, Калуга

* * *

Весь день томительный и скучный;
Все дождь, и дождь, и без конца,
И ропот жизни однозвучный,
И стон угрюмого лица...

А вечером, когда сокрылась
Надежда хоть в ничтожный свет,
Сквозь тучи солнце чуть пробилось...
И, вот, его уж снова нет...

1917, Калуга

Поздней осенью

Смотри, как небо безотрадно
Висит свинцовой пеленой —
Неизмеримой, беспощадной
И угрожающей стеной.

Пропала мира бесконечность,
Погасли огоньки светил,
И мертвый холод ум и вечность
В недвижный камень обратил.

1917, Калуга

Посвящение

Не вам, красавицы мои,
Слагаю в бысролетных строках
Живые песни о любви,
О заблужденьях и уроках, —

А лишь одной из вас, одной,
Чей легкий след давно сокрылся,
И только образ неземной
В воспоминаньи сохранился.

Когда, судьбой удручена,
Прочтет стихи мои случайно, —
Поймет в смущении она,
Какая в них сокрыта тайна;

Кому посвящены оне
Давно покинутым поэтом
На память о далеком дне,
Овеянном весенним светом.

Пусть очи милой загрузят
В невольнo-искренней печали,
Страницы ж ей прошелестят,
Кому они предназначались.

1917, Калуга; испр. в 1950-х, Караганда

* * *

Ты помнишь ли: тогда цвела весна
Нарядная, душистая, живая
И даль небес была ясна,
И пел соловка не смолкая...

Все старые, знакомые места,
Лишь осень злая ветви обнажила,
А ты, голубка, все же та,
Как и весной прекрасной была...

И я смотрю на милые черты,
Прикрытые прозрачною вуалью,
И нет дождливой темноты,
А даль синееется за далью...

1917, Калуга

Октябрь 1917 г.

Как раньше жили мы —
Нельзя так боле жить —
Среди полночной тьмы
Безумию служить.

Пускай они придут,
Рабы и дикари,
И факелы зажгут
И чистят до зари.

Ночь будет жгуче-зла
До пояса в крови,
Испепелят дотла
Все алтари любви.

Разрушьте ж мир-обман
Насилья и пыли,
Неведанные нам
Хозяева Земли.

1917, Калуга

* * *

Я верю, верю: день грядет,
День величайший, незабвенный, —
Народу клятву даст народ
И соберется всей вселенной
В один торжественный оплот!

И все сердца соединятся
В несокрушимый договор,
Падут преграды и сплотятся
Умы в единый, общий хор,
И в вековечность обратятся!

1917, Калуга

Зимнее Солнце

Иллюминарными огнями
Всеобольщающей игры
Исходит Солнце над мирами
До предназначенной поры.

В пурге горит огонь мороза,
И реет саван парчевой,
А на парче — мерцает роза
Золототканною игрой.

И возникают два предела:
Ветхозаветный рай любви,
Как розы девственное тело —
Стихии светлые твои;

И тьмы, и пустоты смешенье,
Оледенелый мертвый свет —
Умов наивных оболщенье:
Ни правды в них, ни смысла нет!

1917, Калуга; испр. в 1952, Караганда

В апреле

Короче ночь. Светлей восток,
 Лучистой и пурпурней.
Все мягче льется ветерок,
 И небеса лазурней.

Как хорошо в саду твоём
 В истомный день апреля!
Как манит нас бежать вдвоём
 Широкая аллея.

Хоть не видать еще листвы —
 Но в почках все деревья.
О, вижу, вижу: любишь ты,
 Хмельна от новоселья...

Как хорошо весной любить
 И верить безмятежно,
Что под листвою, может быть,
 Найдешь цветок подснежный.

Над миром реют небеса,
 Зеленосини-ярки,
И — право — веришь в чудеса
 Сонетами Петрарки!

1917, 1918

Первая зелень

Весна пришла, а все еще темно.
Все мелкий дождь идет. Растаял снег
И быстрины потоков вешних
Муарово лоснятся по дорогам,
А небеса все так же серы
И тусклы будто в ноябре.
Туманно лиловеют дали
И в тихий благотворный сон
Погружена вокруг природа —
Так человек блаженно дремлет,
Освобождаясь от недуга:
Блаженное выздоровленье!
Но что же это? Меж лесов,
Где бурые луга простерлись,
Я вижу яркий вешний цвет.
Ведь это цвет живой травы,
Зеленый, звонкий и веселый!
Какое счастье! Почему ж
Его вблизи не замечаю?
И я нагнулся. Боже мой,
Из чернозема редко-редко
Торчат простые стебельки
Немудрые и нежные,
Как будто крылья малых мушек,
Под дождиком покорно гнутся,
И, наклоняясь, вырастают.

1917, Калуга

* * *

Вокруг — ни света, ни огня,
Ни слов любви, ни сожаленья:
Все отлетело от меня
В свои заветные селенья,
Земному дан благой закон,
Закону же черед положен...
В какую ж бездну канул он?
Я слышу стон, ужасный стон,
Я вижу мир — и мир тревожен!
Чего же я напрасно жду,
Коль в друге увидал Иуду?
О нет, заветную звезду
Я воспевать теперь не буду!
Я был обманут много раз,
Меня насмешкой провожали...
Кому же дорог я сейчас?
И кто поймет мои печали?
Увы, никто! Что я для всех? —
Дикарь, чуждающийся света,
Отшельник праздничных утех
Под кличкой бедного поэта!..
И только, только... Как смешно
Поэтом быть среди ничтожных!..
Так одинокое зерно
В пыли растений придорожных
На смерть, на смерть обречено!..
Над жизнью пошлой и постылой
Вотще, гонялся я порой;
И свой восторг, любовь и силы,

Томил в предчувствии красоты!
И что ж наградой мне явилось?
Увы, над мудростью земной
Одно лишь время наклонилось
Все уносящую волной...
Забросить разве эту лиру,
И эту верную тетрадь
Из мести к презираемому миру
Без сожаленья разорвать!
И узы эфемерной славы,
И вдохновенье променять
На мир ничтожный и лукавый
И смертоносною отравой
Без страха сердце напитать!..

1917, Калуга

Человеку

Подобно Прометею
Огонь — иной огонь —
Похитил я у неба!
Иной огонь — страшнее всех огней
И всех пожаров мира:
Я молнию у неба взял,
Взял громовые тучи
И ввел их в дом,
Насытил ими воздух
Людских жилищ,
И этот воздух,
Наполненный живым Перуном,
Сверкающий и огнемётный,
Вдыхать заставил человека.

Сквозь легкие, через дыхание
Провел его я в кровь,
А кровь огонь небес
По органам и тканям
Разнесла, и человек
Преображенный ожил!

Один лишь раз в тысячелетье,
А то и реже
Равновеликое благодеянье
У природы
Дано нам вырвать.

Вдыхай же мощь небес,
Крепи жилище духа,
Рази свои болезни,
Продли свое существованье,
Человек!

1917, Калуга; испр. в 1945, Кучино

Моей матери

(1875-1898)

В годину бед, в годину смут,
Как близок сердцу твой приют,
Ковчег иного бытия,
И старый дом, наследный дом
В лесу далеком и глухом,
И ночью пенье соловья.

Заветный луч, багряный луч
Средь толщю черных грозных туч
Несет последний свой привет —
Тому, кто так недолго жил,
Кто мир и жизнь благословил,
Кого давно-давно уж нет.

В тиши прадедовских лесов,
Где слышны песни пастухов,
Ты спишь невозмутимым сном,
А над тобой бегут года
И не встревожат никогда
Тебя в упокоеньи вековом.

О, как бы я средь буйных дел
С тобою свидеться хотел,
Тебе всю душу рассказать,
И, ниц упав к твоим ногам,
Дать волю горестным слезам
И ничего уж не солгать.

Взгляни, как сын единый твой
Закинут злобною судьбой
Во глубину людских пучин,
Где вечный бой, где вечный ад
Не прекращая шумят,
А он средь хаоса — один.

Но ты скорбей моих не знай,
Пускай тебе лишь снится рай
И солнце рая радость льет, —
А я в земной, холодной мгле
Свершу, что в силах, на Земле,
Пока наступит мой черед.

О, спи с улыбкой на устах
Родной, душе священной прах, —
Ничто улыбки не смутит.
И на могиле, где возрос
Случайный цвет — росинка слез
На Солнце пусть горит.

1918, Калуга

* * *

Я лгал, когда на твой вопрос,
Все отвечал по принуждению,
Что я люблю — и много слез
Ты отдавала подозренью!
За первый свой любовный бред,
За ласки раннею весною
Наказан ветренный поэт
Своей сердечной глубиною...
Я лгал тебе — и ты цвела
Под незатейливым обманом,
А мне любовь твоя была
Весенним розовым туманом...
Увы, что было — то прошло;
Кругом темней и холоднее
И наше лето отошло
Как тень в пустующей аллее;
И вот приблизилась пора
Нам разлучаться поневоле
О, верь, я плачу до утра
А сердце сжалось до боли!
Я вижу, что любви твоей
Посевы внешние пожаты,
И не найдя души моей
Меня покинешь навсегда ты!
Как поздно понял я тебя,
Как поздно жалобно тоскую
И, уж навеки полюбя,
Лишь письма милые целую...

1918, Калуга

* * *

Уж я не первую весну
Улыбкой горькою встречаю
И, как неверную жену,
К чужим в объятия провожаю;

Увы, люблю не в первый раз,
Люблю и пламенно, и страстно,
Но срок пройдет, и милых глаз
Любви сияние напрасно!

Не в первый раз я слезы лью,
Из сердца вырванные слезы
И песню грустную пою,
Про ту ж тоску, про те же грезы!

А как хотелось бы душой
Стать нежным, ласковым ребенком
И голоском смеяться звонким,
Приникнув к матери родной!..

1918, Калуга

* * *

Я мнил в преддверьи расставанья,
Что будет грустен этот миг,
И подступали уж рыданья
От прорицаний роковых.

Когда же пробил миг разлуки
И путь бежал передо мной, —
Исчезла грусть: живые муки
Сменились далью голубой.

И я легко со всем расстался,
Что было сердцу так сродни,
И далям смутно улыбался,
Благословив былые дни.

Не так ли нам в мечте томимой
Ужасен призрак вечной тьмы,
А час придет — и мир родимый,
Как старый дом, покинем мы.

1918, Калуга

* * *

Все вернулось... Прежние свиданья,
И широкий необъятный вид
На луга, на даль без окончанья,
Что размахом крылья шевелит.

Лишь потухли взоры и надежды,
Лишь душа устала отвечать,
Лишь устали пламенные вежды
Жизнь, как прежде, вызовом встречать...

И глядишь ты грустно в отдаленье,
На луга, на даль, на синий лес,
И не веришь в силу и стремленье
И не веришь в проповедь небес.

Безнадежно опустились тучи,
Безнадежно-молчалива даль
Голос веры крепкой и певучей
Превратился в горечь и печаль.

И не в силе я тебя уверить,
Потому что уж не верю сам,
Что лишь только надо ждать и верить
Безучастно-тусклым небесам.

1918, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

Приход весны

Как сквозь глухого небытья
И бесконечной смутной ночи
Опять весны встречаю я
Бездонно-голубые очи.

Она пришла в лазурный день:
Просторы Солнце разогрело,
И розоватых тучек тень
Легко над папнями летела.

Синел в тени опушек снег,
На солнце трепетали дали,
И как бы струи многих рек
В пределах неба протекали.

В полузадымленном лесу
Под редкой праздничной капелью,
Алмазы рдели на весу,
Тянуло сыростью и прелью.

К полудню звонкие ручьи,
Сверкнули бурыми межами,
Повеселели воробьи,
Защебетали над полями.

В многоразличных голосах,
Средь бесконечных повторений,
По всей земле и в небесах
Гудел задорный гул весенний.

1918, Калуга; испр. в 1952, Караганда

Числа

О, математики, философы, поэты —
Премудрости великие цари,
Лавровые венки судьбой на вас одеты
В час человеческой зари!

Вы славились века, пройдут веков миллионы
И ваша слава не умрет —
Колоссы Мемнона, колонны Парфенона —
Земного гения оплот!

Да славятся бессмертные творенья —
Божественной гармонии сыны:
Былая жизнь поправа тайны тленья,
Влила в кипенье жизни — сны.

И вот смотри: живет природа,
Взвесь на весах познания день,
Вселенную — пространство без исхода,
Где — эхо, отблеск, контур, тень!

Вот — мудрецы, поэты, геометры —
Мужей великих ряд.
Внимаю их священным метрам
И формам их палат.

Вокруг трепещет пульс вселенной —
Ток целочисленных причин, —
И книги нерукотворенной
Богослуженья древний чин.

И познаю я то, что было непонятной
Трансцендентальностью идей
И что теперь мне стало странно-внятным —
Наследье древнее людей.

И вызываю я на пир моих видений
Математических богов,
И стройные ряды державных уравнений
Я передать земле готов.

И то, что ранее загадкой волновало
Мой ненасытный дух,
Из вещей чисел Солнцем встало
И озарило вокруг.

Бессмертие! Гляжу в твои истоки —
В ряды преображенных числ:
Объемлют мир единые потоки,
Единый сокровенный смысл.

Все прошлое и будущее слито
В непрерывающийся ряд,
И мысли нескончаемость открыта,
Где числа торжествуют и творят.

1918, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

* * *

Как страшно жить! Повсюду тень
Невозвратимого былого.
Здесь горы — и земли ступень
Ведет к познанию рокового.

Там — у подножия — блестит
Лазурно-золотое море,
И чайка белая парит
В звенящем, солнечном просторе.

Молчит Земля. Века идут
Своей чредой неумолимой,
И только рабство, пот и труд
Чертят узор богохранимый.

Но мир погибнет в некий миг:
Во хлябях скрылась Атлантида,
И все, что человек постиг
Изымет с корнем Немезида.

Природа тайн не выдает —
Она сама живится тайной,
Но гений, шествуя вперед,
Ворует смысл необычайный.

Так ждите же: придет конец,
Вода и суша ополчится
И твой, о, Человек, венец
В незримый прах преобразится.

Не думай выстроить ковчег
И знай, что бегство — бесполезно,
Что озверелых волн набег
Тебя отбросит в ту же бездну.

1918, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

Прощание

Прости, прощай, родимый дом, —
Мои наследные пенаты.
И вы, на берегу крутом
Во тьму вползающие хаты;

И вы, родные соловьи,
В листве поющие душистой.
О светлых радостях любви
Неопороченной и чистой;

И вы, портреты на стенах,
Черты родных и сердцу милых,
Всему — забвение и прах,
И боль мгновений сиротливых;

А ты, домам присущий дух,
Во мгле витающий прозрачной,
Благослови, как старый друг,
Мой путь томительный и мрачный.

Слеза горит в моих глазах,
В последний раз поклон прощальный —
И в потускневших образах
Как будто дрогнул лик печальный.

Крадется сумрак на окно,
И по углам мигают тени,
И конь копытами давно
Бьет полусгнившие ступени.

1918, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

* * *

Не зная, где искать покоя,
Поднял я снова посох свой
И, глядя в небо голубое,
Побрел дорогой столбовой.

Вокруг меня желтеет поле,
Синеет лес, звенит ручей.
Какая ширь! Какая воля
Над бедной головой моей!

Отрадны птицы в небе реют,
Скользя в лазури и тепле —
Они не видят, не жалеют
Меня, прилипшего к земле.

Ручей в зеленошумной сени
Меня прохладою привлек, —
Плачу я горестные пени
За каждый вышитый глоток.

Зачем я всюду разрушенье
Ежеминутно наношу?
Ежеминутно размышленье
В тоске природе приношу!

Увы, меня боятся звери
И, как преступники, бегут —
Ведь нас одни и те же двери
К исчезновению ведут.

«Я ваш», мне хочется сказать им,
«Я ваш: не бойтесь же меня —
Мы жизнью общею заплатим
За голубое небо дня!»

Но все смеются надо мною,
Не хочет дружбы мир моей
И прохожу я стороною:
Всему чужой — всему злодей.

И лишь в редчайшие мгновенья
Иль в миротворный смерти час
С великим счастьем примиренья
Природа принимает нас.

1918, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

России

Ты приняла вне меры испытанье:
Таких страстей еще не видел свет!
Добро и зло, позор и ликованье —
Клубится все в неистовстве клевет.

Но будет час — суда настанет время —
Великий час: всемирно-роковой!
Подашь ли ты, о, варварское племя,
Благой пример гордыне мировой.

Создашь ли ты взамен истлевших сводов,
Солнцеподобный радостный закон
И мудрый строй — содружество народов,
Чтоб он от рабства был освобожден.

Смотри: уж черного безумства лики
Весь шар земной готовы охватить,
А ты народ — отвержено-великий, —
Начни учить, весь шар земной учить!

И вот теперь в решающем бореньи,
Несешь ты миру масличную ветвь
И учишь мир творить в долготерпеньи
Все побеждать и все перетерпеть.

В крушении священных идеалов
Есть некий величайший знак.
Власть Цезарей и Ганнибалов
В щепу дробится о пустяк.

Монархии сменялись буйством черни,
Толпа венчала королей, —
Лишь торжествуют живодерни
От первых до последних дней.

И как вы там не мудрствуйте лукаво,
Блаженства миру не создать:
Призвание смертных — смертных слава,
В великом таинстве — страдать.

1918, 1922, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

* * *

Хоть мы себя и сознаем
Детьми владычицы-природы,
Но, как тоскливо день за днем
Текут утраченные годы;
Скучнее сердце, глуше ум,
Теснее мир перед очами
И миллионы цепких дум
Бредут бессонными ночами.
Мы видим истину: поля,
Луга, равнины, горы, воды
Вся отягченная земля,
Все возвеличенные своды —
Здесь, в этой жизни — нам враги
И лишь за гробом — наши други!
И страшны старости шаги
И тела тяжкие недуги.

1918, Калуга

К. Э. Циолковскому

Бездарный пошлый человек,
Вскруживший голову развратом,
Проводит в почестях свой век
И окружен звенящим золотом.

А мудрый, истинный талант,
Который только не признали,
Как подавляющий гигант —
Влачится в нуждах и печали.

1918, Калуга

К. Э. Циолковскому

Привет тебе, небо.
Привет вам, звезды-малютки,
От всего сердца
И помышленья.
Вечно вы мерцаете в черно-синем небе,
И маните мое одинокое сердце.

Сколько раз, стоя под вашими лучами,
Сняв шляпу и любуясь вами,
Я говорил земными словами
Вдохновенные речи.

И мне порой казалось, что вы понимаете меня
И отвечаете мне своими светло-голубыми лучами,
Вы — огромные огненные светила.
О, жалкое безумие! Разве огонь имеет душу?
Нет, нет — не то...

Но там, где в глубоких ущельях бесконечности
Приютились планеты,
Может быть, там
Такой же жалкий и такой же одинокий странник,
Обнажив голову, простирает руки
К нам, к нашему солнечному миру,
И говорит те же вдохновенные,
Те же вечные слова
Изумления, восторга и тайной надежды.
О, мы понимаем друг друга!
Привет тебе, далекий брат по вселенной!

1919, Калуга

Летний вечер

Как тают звуки в отдаленьи —
Все тише, тише и нежней...
И мнится: ангельское пенье
Струится с дремлющих полей!

Туда б за этими волнами
В пурпурных западных лучах,
Взмахнув свободными крылами
Пропасть в прозрачных высотах.

1919, Калуга

Гимн материнству

Нет — ты не умер:
Сын твою душу
И стройное тело
Продлит в бесконечность!

Там, где сокрылся
Бег поколений, —
Там предков родимых
Мы в пещле находим.

Предков, от коих
Род единичный
Века протекает,
Храня самобытность:

Цели стремлений,
Правила жизни,
И душу, и разум,
И склад дарований.

Все, что когда-то
В сердце родилось —
Красоты искусства
Иль светлые мысли, —

Все пребывает
Явно в потомках,
И ширится вечно
Текущий источник.

В этом отрада,
В этом надежда
Для всех нас — конечных —
Увидеть бессмертье.

Горе тому, кто
Умер бездетным, —
Следов долговечных
Он здесь не оставит.

Память о трупе
Скоро исчезнет,
Как будто он не жил
На этой планете.

Славься, о, славься
Вечность земная,
Священная радость
И Жизнь — Материнство!

1919, Калуга

Тождество

О, пыль, прилипшая к Земле,
Простертая в мечтах и горе,
Ты ни одна в бессильном споре
Предалась мировой хуле.

И ни одна ты спишь во мгле
С блаженством в приоткрытом взоре —
Нет, в солнечно-планетном хоре
Плывешь на звездном корабле.

Вокруг — один приют безмерный,
Родимый, общий нам чертог,
Тождественный, закономерный,

И ум, куда проникнуть мог,
Проник и в смысл единоверный:
Единый строй — единый Бог.

1919, Калуга

Одиночество

Борись — ты смертен, гол и одинок!
Не ожидай ни жертвы, ни спасенья!
Ты сам себе — судья, палач, пророк:
Веди себя на жизнь иль осужденье!

Для недругов — точи острее клинок
И лирой славь победу иль отмщенье!
Пощады нет! Кругом царит порок
И смертных ждет — позор, порабощенье!

Пускай пред лживым идиолом добра
Поют жрецы огня и топора
Гимн добродетели, обманом вдохновленный, —

Не верь ему! А ведай: есть закон,
Сквозь тьму времен нам возвещает он:
Ты одинок в борьбе со всей вселенной.

1919, 1922, Калуга

Ставни

Дует, воеет, стонет вьюга,
Бьются ставни за окном —
То замрут, как от испуга,
То заплачут о былом!

И они когда-то были
И высоки, и крепки,
На ветвях у них гостили
Золотые ветерки!

А осенней, черной ночью
С бурей, громом и грозой
Из земли добытой мощью
Затевали темный бой.

Но, увы, та песня спета,
Их призванье — так и знать, —
Легковерного поэта
От воришек охранять.

Знайτε, ставни! Ваши муки
Слушать долго он готов:
Вы ему даете звуки
Для размеренных стихов!

Вы ему в часы печали
Тонким голосом своим
Боли сердца утоляли
И грустили вместе с ним.

Нет конца осенней вьюге.
Ропщут ставни за окном:
То замрут как бы в испуге,
То заплачут о былом.

1919, Калуга

Последний катаклизм

Настанет час всемирной катастрофы —
Распада, умерщвления вещества,
Последней человеческой Голгофы,
Последнего распятия естества.

Пророчеством звучите, эти строфы,
Огнем язвите, трубные слова:
Дымится меч в руках у Саваофа,
У дьявола кружится голова.

Пощады нет Земле и нет прощенья
Уму от бога — сгинет злая тать,
И будем мы на светопреставленьи
Преображенные бессмертьем ликовать.

Кто понял смысл всеобщего страданья,
Тот страстно жаждет краха Мирозданья.

1919, Калуга; значит. исправл. в 1943, Челябинск

Безмолвие

Безмолвно все: и небо, и земля.
Безлюдна отдалений вереница.
В спокойствии, не плача, не моля,
Спит человек и лес, и гад, и птица.

И в этот мир всеобщей тишины,
Преодолев запретные пороги,
Врываются тревожащие сны,
Слетают прорицающие боги.

Но тихо все, и нем наш разговор.
Часы бегут законно за часами,
А с высоты следит бездонный взор
Дозорными и жесткими лучами.

1919, Калуга; испр. в 1952, Караганда

Рассвет

Дымится ночь. Струится мгла из трав,
Трепещет блик осеннего светанья
И день грозит, исполненный отрав,
И слов несовместимых сочетанья.

О, белый час, мне тяжек твой устав
Разлада, зла, распутья и скитанья.
Как я ценю, в безумие упав,
Озера тьмы и берега молчанья.

Я изнемог. Дневное чуждо мне.
Мое существованье в тишине.
Как страшен блеск! Как я отвык от света!

И, с ужасом встречая новый день,
Молю тебя, полуночная сень,
Не покидай прозревшего поэта.

1919, 1921, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

* * *

Люблю я с ветром говорить,
В стени с простором окликаться
И на мгновенье, может быть,
В порыв стихии превращаться.

Широко дышит грудь моя,
Как лава, кровь моя бушует,
И тело, древность затая,
Нечеловеческое чует.

О, братья, — ветер и простор,
Сольемся вместе на мгновенье,
Чтоб запредельный бросить взор
В полузабытое владенье.

1919, Калуга; 1933, Воронеж; испр. в 1943, Челябинск

Вихрь

Тревожный ветер буйствует в ночи,
Дрожат дома. Поют железом крыши,
И оживают демоны в печи,
И шаркают смелее мыши.

Но чу!.. Окно звенит и дребезжит,
Стекло вот-вот на части разлетится.
На дом стихия ринулась, бежит.
Труба завывла. Что-то в дверь стучится.

Еще порыв — и настежь дверь моя
Открылась вдруг, и быстрыми шагами
Вбежал невидимый и, власть тая,
Все разбросал проворными руками.

Огонь свечи колеблемый потух,
И в тьме наставшей страстно зарождалась
Система стройных сил: но грубый слух
Их принимал за незаконный хаос.

1919, Калуга; испр. в 1952, Караганда

Безнадежность

Кружится осенняя вьюга
И плачет, и стонет над бором,
Далекого, бедного друга
Приветствуя жалобным хором!

Лежит он в стране одинокой,
Где вечно блаженствует холод!..
Живые, уж смерть недалеко —
И тяжкий спускается молот!..

Раздавит он наши делишки,
А вьюгой развеются кости!
Гробовые черные крышки
Давно поджидают нас в гости...

Не нужны мы миру, как видно!
Бесцельные все наши потуги!
Нам тяжело, нам горько, нам стыдно,
В могилу, печальные други!..

Мы ляжем под дубом иль кленом,
Всосутся в нас корни, конечно!..
Как любо листочкам зеленым
По ветру кружиться беспечно!..

1919, Калуга

Пробуждение

Я спущен был безмерно-низко
В глубокий сон, как в тьму могил,
Но вестник солнечного диска
Меня поутру разбудил.

Лучи звучали, птички пели,
В лицо стремился ветерок,
В лазури неба, как в купели,
Гулял, играл беспечный бог.

От жизни празднично-великой
Не мог я душу оторвать, —
И солнца огненные блики
Легли на смятую кровать.

И проходил вблизи прохожий,
Неся в глазах блаженный сон,
Взглянул в глаза мои и — что же? —
Он торжеству был удивлен!

1919, Калуга; испр. в 1952, Караганда

* * *

Легкомысленно море играло
С золотою моей Луной,
А Луна, улыбаясь, сияла
Над зеленой его глубиной.

Морю тихо шептал я: играя,
Ты уронишь, утопишь Луну. —
Колебалась струя золотая,
Опускаясь к зеленому дну.

Не послушалось море совета,
И Луны моей в небе уж нет,
Лишь на волнах от лунного света
Разливается призрачный след.

И когда я в минуты раздумья
Очарован, печален и тих, —
Возникает овал полнолунья
В ореоле видений моих.

1919

Галилею

И вновь, и вновь взопли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.

И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи.

И жизни лик подернулся гримасой:
Метался компас — буйствовал народ,
И над Землей, и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход.

О, ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей —
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!

Богopodobный гений человека
Не устрашат ни цепи, ни тюрьма:
За истину свободную от века
Он борется свободою ума.

1920, Калуга; доп. в 1943, Челябинск

Преображение

По синему ветру,
Сквозь Солнце и небо,
Прозрачною дымкой
Плывут облака.

Лежу я под вишней,
А рядом кузнечик,
Взлетая, танцует
В траве трепака.

Лишь веки смыкаю —
Свершается чудо:
И быстрый кузнечик —
Мой маленький брат.

Мы вместе играем,
Мы вместе летаем,
И крылышки наши
Лучи шевелят.

Земля — мое счастье!
Земля — моя радость!
В какие глубины
К тебе я проник!

И если прохожий
Окликнет случайно
Неведом мне будет
Родимый язык.

1920, Москва

Старинные романсы

Мне грустно слушать вас, старинные романсы;
Рождаете во мне вы долгий ряд картин:
Затянутый корсет, широкий кринолин,
Напудренный парик, кадрили и реверансы...

Как наши бабушки с красотами седин,
Порой вечернею, забыв на миг пасьянсы,
Ворчали в тишине, что делать мезальянсы
Не должен никогда достойный дворянин.

Увы... прошли года — явились перемены:
Как презрится любовь, как ценятся измены,
Что так приветствует мельчающий наш свет...

Жена-любовница — вот идеал гордыни,
И к ней весьма идет (что, кстати, в моде ныне)
Не строгий реверанс, а звонкий кастаньет!..

1920, Калуга

Лунный свет

Лунный, тихий, томный свет —
Жизни меркнувшей привет
В отдаленьи неземном
Он блестит своим звеном...
Он прощальные свиданья
Жаждой нового свиданья
Заражает без конца
Взглядом бледного лица.

Лунный, тихий, томный свет!
Ты живешь ли или нет,
Ты не умер ли давно
Там, где кончилось звено,
И лишь только призрак твой
Будит нас ночной порой,
Чтобы с нами говорить
Нам мешать свободно жить.

1920, Калуга

О грядущем

Дидактическая мысль

Не думай, милый друг, о будущем Земли,
О человеческих высоких достижениях...
Скажи, куда мы шли и до чего дошли
И есть ли смысл в исканьях и стремленьях...

Мечты нам вечно лгут; история — не лжет:
Поверь: она — единый, искренний свидетель...
Окинь назад века: иль двинулись вперед
И жизни строй и наша добродетель?

Увы, они стоят на высоте одной,
Что отличает человека от собаки:
То убежим вперед, то пятимся спиной
Во тьму назад, как подлинные раки.

А сколько было уж среди земных племен
Упадков горестных и ясных возрождений,
И кто из наших предков не был убежден
В блаженстве современных поколений?

1920, Калуга

Ночь

Когда померкнет день язвительных забот
И смертоносный труд оставит наши члены,
Мы с благодарностью тревожной и священной,
Склонясь, благословим безгласной тьмы приход.

На несколько часов внежизненный полет
В таинственно-пустых пространствах Ипокрены,
Сквозь непреступные, но и призрачные стены
Нас в лоно древнее — к небытию вернет.

О, сладостная Ночь, да будь благословенна:
Ты — пристань общая на реках всей вселенной,
Куда нас быстро мчит неумолимый вал.

О, научи меня к безмолвию привыкнуть
Чтоб у ворот твоих мог радостно воскликнуть
И без борьбы упасть в великий твой провал.

1920, Калуга; испр. в 1952, Караганда

А. А. Фет

Поэт, ты любил эти звезды
Свободных и чистых небес.
Под звездным сияньем ты умер,
Но в песнях о звездах воскрес.

О, если б все звезды померкли,
А нам — умереть не дано:
О, мертвое, черное небо,
Могила ужасней оно!

1920, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

О России

В твоей истории, как в омуте скорбей,
Невзгод, раздоров и крамолы,
Валились троны древние князей,
Крушатся царские престолы.

Народный бунт сменяется другим,
Война войне идет на смену,
Лишь казнь вечна да горек бранный дым,
Во лжи рождающий измену.

Тоска гнетет в величии твоём,
И оторопь сквозит во взоре.
Ты, Русь — Корабль, и с этим Кораблем
Судьба играет в буйном море.

Найдешь ли ты себе опорный брег,
Где отдохнешь, Корабль усталый,
Иль разовьешь подобный смерти бег
И разобьешь себя о скалы?

1920, Калуга; испр. в 1952, Караганда

Космос

Всевластен лик, глядящий с вышины!
Настанет ночь — и взор летит из бездны,
И наши сны, взлелеянные сны
Пронизывает знанием надзвездным.

Следи за ним среди тьмы и тишины,
Когда сей взор бесстрастный и бесслезный
Миры, как дар, принять в себя должны
И слиться с ним в гармонии железной.

И лик глядит, о тварях не скорбя.
Под ним бегут в громах века и воды...
Под черствым равнодушием природы
Невыносимо осознать себя!

Лишь на листе, где численные тайны,
Пылает смысл огнем необычайным.

1921, Калуга

* * *

Жить гению в цепях не надлежит:
Великое равняется свободе,
И движется вне граней и орбит,
Не подчиняясь людям, ни природе.

Великое без солнца не цветет:
Происходя от солнечных истоков,
Живой огонь снопом из груди бьет
Мыслителей, художников, пророков.

Без воздуха и смертному не жить,
А гению бывает мало неба:
Он целый мир готов в себе вместить
Он, сын земли, причастный к славе Феба.

1921, Калуга, 1943, Челябинск

Меланхолия

Альбрехту Дюреру

Черное небо простерлось над нами.
Звезды-алмазы исходят огнями.
Гул бесконечности реет кругом.
Ловят людей утомленные взоры
Темной гармонии смутные хоры
В узком и душном пределе земном.

Страшны вселенной сады и чертоги:
Нет в них следа ни труда, ни тревоги,
Движет их некий бездушный закон.
Бродят под ними по лону земному
Звери да люди с тоской по быломu,
Горько внимая полету времен.

Тщетны посылки проникнуть в природу,
Нет ее безднам ни мер, ни исходу:
Все неприступней, упорнее мгла.
И чем бесстрашней наш ум проникает,
Цепь неизвестных миров возникает:
Этим мирам нет конца и числа.

Все свершено, что свершиться здесь должно,
Дальше ни шагу ступить невозможно:
Там — запустение, тление, прах.
Роды приходят и роды уходят,
Травы и стебли, как призраки всходят:
Мир пребывает в язвящих слезах.

Видно, что тайнам здесь нет разрешенья.
Горьки страданья и терпки сомненья.
Мысли бессильны и воля слаба.
Нет ни отрады, ни верного блага,
Каждому сладка дурманная брага,
Каждый в себе познает лишь раба.

Рвутся из душ одинокие клики,
Никнет рассудок с тоскою великой
В вечном хаосе пространств и времен.
Роды приходят и роды уходят,
Стебли и травы как призраки всходят:
Все покрывает таинственный тлен.

1921, Калуга; испр. в 1952, Караганда

* * *

Мир возникает из праха,
Мир возвращается в прах.
Сколько надежды и страха
В этих прекрасных очах.

Мир — это только виденье,
Что нам казаться должно.
Ум обретает сомненье,
Знает — лишь сердце одно.

Знает... но что оно знает:
Истина — тайна его.
Многое, может быть, знает,
Может быть, и — ничего.

1921, Калуга

О грядущем

Не дай Бог жить в грядущих временах!
Там нет добра: царит там пыль и прах.
Там человек ничтожней и тусклей,
Как капля в бесконечности морей,
Как часть машин бездушных и слепых
Среди врагов — ни мертвых, ни живых.
Померкнет все — любовь, добро и зло;
Все чувства сменит злое ремесло!
К нему прикован — нем и недвижим —
Он будет слепо поглащаться им,
И не отступит больше никуда
Из цепких лап постылого труда.

Взойдет ли солнце в чистый час утра,
Проснется ль жизнь привольна и добра,
Средь сини неба, радуг и цветов, —
Не сбросит он мучительных оков!
Иль в час услад, в вечерний мирный час,
Когда к любви стремится природа нас,
Грядущий человек под мерный звон
Свершать работу будет обречен,
И никогда уж не вернется вспять;
Стандарты будут духом управлять;
Всю жизнь на графы распределит он
Со дня рожденья вплоть до похорон!

Пока свободны, вольны и легки,
Порхаем мы, как в поле ветерки,

Живем, цветом, играя и любя,
Во имя грез, мечты, самих себя, —
О, мы поем, ликуем и хотим
Сердца зажечь веселием своим,
Огнем бессмертной юности своей.
Что нам Гекуба, други? Что мы ей?
Итак, познав грядущего тщету,
Благодаря свою судьбу за нищету,
Мы ляжем в гроб с усладою в очах:
Не дай Бог жить в грядущих временах!

1921, Калуга

1917 год

Страшна ты, Русь, о, как страшна,
Когда, пучину воздымая,
Ревет народная волна,
Глаголам неба не внимая.

Когда мятежный ураган
Сжигает мудрые преданья
И треплет скалы океан
Остервенением восстанья.

Сквозь этот бой, безумный бой
Мы с содроганьем проследили,
Как пар венчал морской прибой,
И кровью скалы исходили.

Как в разъяренной наготе
Дробились древние скрижали,
Как страсти рдели в высоте
И звездами изнемогали.

Когда ж на миг оцепенев,
Борьба в пучинах умолкала.
Звучал молитвенный напев
Сквозь раскаленные забрала.

И снова дыбилась волна,
И скалы черные качались,
И разверзалась глубина,
Когда стихии сопрягались.

Бессмертен всенародный бой,
Тобою разрешенный смело:
Пред человеческой судьбой
Свое ты выполнила дело!

И в роковой для мира час
Неотвратимого решенья, —
Огонь священный не погас:
Сверкают зыби и камня.

Страшна ты, Русь, о, как страшна
Когда подняв до звезд пучины
Ярится вещая волна
И обнажаются судьбины.

1921, Калуга

Материя

Моему другу А. А. Михайлову

Нам родственно безумие твое,
Мертворожденная материя:
Не нужно нам, не лестно бытие,
А любо лишь — бездумье и безверие.

Так, мы грядем из общего русла
С едино-тяжкими законами
Сквозь зыбкий строй любви, добра и зла
Мучительно-слепыми децильонами.

Глубоководный ил, полип, коралл,
Трава змеистыми извивами,
В земле — червяк. Меж вод, пустынь и скал
Животные с крылами или гривами.

Неведомо воздвигнуты зачем
Из тьмы небытия всемирного
Морские зыби, отзвуки поэм
И неба лик прозрачного, сапфирного.

Неведомо и нам ответа нет.
И только в смутном отдалении
Сквозь пустоту томится бег планет,
Живущих день, блистающих мгновение.

Но где б не вышла ты из темноты
Великолепными колоссами, —

Ты к нам летишь и нас тревожишь ты
От века нерешенными вопросами.

Один вопрос в устах или вне уст:
Тоска по тьме исчезновения, —
И все горит, страдая, древний куст
От первых до последних дней творения.

Так! От себя нам некуда уйти,
Как нам не скрыться от страдания.
О, Мать-Материя, — трудны пути
На высоту Миросознания.

1922, Москва

Куда ни посмотри — повсюду злая кара!
Не отвратить тебе все сильного удара,
О, бедный человек, как ни старайся ты
В сознании своей великой правоты,
Какие ни создай благие ухищрения,
Высокой мысли строгие творенья,
И все ж перед Землей тщедушен ты и слаб:
Не властелин ее, а — бессловесный раб.

Вот посмотри: леса курятся от пожара,
И волны синего смолистого угара
В безмолвном торжестве блуждают по земле.
Там — солнцем выжжены почивут в сизой мгле
Пустынные поля — голодные кладбища —
И к небесам восходит жертвенная пища.
А там — потоки слез из мутных туч бегут
На пышные поля и стройный колос гнут
Во влажный чернозем...О, вечная секира!
И смерть грозит тебе, завоеватель мира.
Там — хлынула вода из верных берегов
И кровы рушатся плебеев и богов;
Там горы дрогнули, и древние каменя
В полете яростном несут опустошенья.

И нет пределов вам, стихийные бога!
Дробите замки вы, гноите вы стога
И лютой смертью низводите народы.
Таков уж суд всеправедной природы
Начало всех начал и всех судилищ суд.
Ему в заветный день ответы принесут
За все дела свои, за каждый ложный шаг
И гордый человек и придорожный прах.

1922, Калуга

* * *

Пускай умру, но за собою в землю
Я увлеку мне современный дым —
Тот сладкий дым, которым мир объеблю,
Роднясь дыханием своим.

Я не томлюсь, не плачу о грядущем:
Одно и то же будет там.
Сейчас живу и радуюсь с живущим,
Делясь судьбою пополам.

Враги, друзья под общей лягут сенью,
Ручей поющий отзвучит:
Никто из нас своей загробной тенью
Грядущих дней не омрачит.

Трудолюбивой мудрости вселенной
Вопрос задать бы я хотел:
Зачем творить весь этот мир мгновенный,
Почить не лучше ли от дел?

1922, Калуга

* * *

О, хмель любви, —
Сладчайший хмель неодолимый:
Вхожу с тоской в твои долины,
В туманы древние твои.

И снится мне призывный сон —
Сомнамбулически-всемирный:
Как звездный свет иль отзвук лирный
Неуловим и зыбок он.

Влачусь в изнеможеньи я
Перед бескрайней пустотою.
Сокрой венчальною фатою
Смертельный ужас бытия.

1922, Калуга; испр. в 1943, Челябинск

* * *

Когда бы зримый мир был снят, как покрывало,
И ты бы механизм вселенной увидал,
Где страшно просто все, и всех начал начало
В предельной краткости, как дифференциал, —
Какая б жгучая тоска тебя объяла
И в иллюзорный мир ты б радостно вбежал.

1923, Москва

* * *

Тропинка горная ползет по круче,
Спирально вьется вкруг скалы:
То вверх идет, то падает отвесно
Меж зелени плюща, мохнатых елей
И желтыми цветами астрагалов.
А снизу — море синее, как небо,
С волнами малахитового цвета;
Оно чуть-чуть ворчит
И ударяет в нос своею солью.
А там — вдали, как странники в пути,
Идут в лазурь и бесконечность
Верхи прибрежных гор и острых скал...
Когда же из-за легких облаков
Пробьется лик смеющегося Солнца —
Все море закипит,
Как будто бы волшебник всемогущий
Пролил из необъятного горнила
Расплавленное золото в него.
И птицы вдруг сильнее запоют,
И громче, звонче заскрипят стрекозы,
И воздух, как пьянящее вино,
Насытит приторные ароматы
Цветущих роз, и ирисов, и примул.

1923, Москва; испр. в 1952, Караганда

Расставание

Инне Дмитриевне Грибановой

Мы не скажем друг другу: ты,
Никогда мы не встретимся боле —
От моей до твоей мечты
Разостлалось бескрайнее поле.

На предельных концах Земли
Мы утошим далеко-былое
В человеческой горькой пыли
И в глухом человеческом рое.

Но теперь, припадая к губам,
Твоим диким губам, исступленным,
Жгучей казнью казнью себя сам,
Сердце рву я железом каленым.

Когда бледный отсвет Луны
Озаряет лицо твое зыбко, —
Бесконечно черты нежны,
Несравненно-прекрасна улыбка.

Отрываясь, глядя в тебя
И тебя навсегда теряя,
Все твержу я, — безмерно любя,
Величайшее слово: родная!

Декабрь 1926, Калуга

*Памяти Ольги Васильевны
Чижевской-Лесли*

Сегодня день сороковой,
А голос твой еще звучит,
Твой голос, ласковый, живой
В печальном сумраке молитв.

Сегодня день сороковой,
Но ты средь нас еще живешь,
И страшно думать, что живой
Ко мне ты больше не войдешь, —

Меня утешить, приласкать,
Перекрестить, предостеречь,
Напутствовать меня, как мать,
В полях житейских бурь и сеч.

О, все, чем ты дышала здесь —
Здесь, в моем сердце, все живет,
И так сияет чудно днесь,
Сияет, верит и цветет.

Сегодня день сороковой,
А голос твой еще звучит,
Твой голос, ласковый, живой
В печальном сумраке молитв.

1928, Калуга

Дремота

Неотступно мерцает сознание,
В душу крадется теплый покой,
Прожитого плывут очертанья
Беспредельной и темной рекой.

И уходят сердечные боли
В отдаленный неведомый путь,
И глухие земные юдоли
На минуту дают отдохнуть.

Силуэтом неясным и смутным
Некий мир открывается нам,
И в порыве дремотном, минутном
Мы восходим к иным небесам.

1930, Москва; испр. в 1950-х, Караганда

*К портрету ****

В любой стране он был бы академик
И лаврами его сияла б грудь;
У нас — предмет бессмысленных полемик.
Кто он? Что он? — Неразбериха, муть.

Одни его считают за провидца,
Другие издеваются над ним!
В России ввек постыдное творится,
Коль ты ни вор, ни раб, ни подхалим.

Лишь суд истории — суд безымянный —
Вернет ему заслуженную честь!
Издравле жив у нас обычай странный:
Хвалить, что было, и хулить, что есть.

1935, Москва

* * *

В науке я прослыл поэтом,
Среди поэтов — я ученый,
Увы, не верю я при этом
Моей фортуне золоченой.

Мой путь поэта безызвестен,
Натуралиста путь — тревожен,
А мне один покой лишь лестен,
Но он как раз и невозможен.

Хотел бы я ходить за плугом,
Солить грибы, сажать картошку,
По вечерам с давнишним другом
Сражаться в карты понемножку.

Обзавестись бы мне семьей,
Поняв, что дважды два — четыре,
И жить меж небом и землею
В труде, довольствии и мире.

Ах, нет, душа волнений просит
И, непокорная рассудку,
Мой утлый челн всегда заносит
В преотвратительную шутку.

Меня грызут, меня съедают,
Слюней разбрызгивая брызги,
Из всех конур собаки лают,
Из подворотен — мосек визги.

Управлюсь ли с собачьей сворой
Иль буду съеден на распутьи?
Ах, ненавижу эти споры,
Хочу от брани отдохнуть я!

1935, Москва

Растения

Какой порыв неукротимый
Из праха вас подьѐмлет в высь?
Какой предел неодолимый
Преодолеть вы задались?

В пустынях экваториальных,
В полярных стужах и снегах,
Сквозь пыток строй первоначальных,
Одoleваете вы прах.

Кому здесь не дано покоя,
А лишь волнение дано, —
Тот знает истину: живое
Затем чтоб мыслить, рождено.

И в шепоте листов неясном
Тому слышна живая речь,
Кто в мире злобном и пристрастном
Сумел свой слух предостеречь.

О, этот слух мы возлелеем,
Чтоб ваш ответ дошел живым:
«Мы чувствовать, страдать умеем,
Мы мыслить — сознaвать хотим!»

1935, Москва, санаторий «Узкое»

* * *

Non vi si pensa quanto
sangue costa*.

Dante

I

Во все века и все народы
Пытали, мучили и жгли
Святых подвижников свободы
И мудрых путников земли.

Чем мир новей — тем мир суровой,
Несправедливей, злее суд,
Тем больше мук, гонений, крови
Они великим принесут.

Чем всеобъемлющей ученье,
Чем совершенней, чище стих, —
Тем кровожадней озлобленье
Их современников живых.

Судьба ученых и поэтов,
Увы, не балует она:
Тисками злобы и наветов
От первых дней уязвлена.

* Не думают, какую куплен кровью.
Данте. «Божественная комедия», Рай, песнь XXIX (ит.).

II

Терши, поэт! Прими гоненье!
Проникни в суть земного зла:
Мысль получает утвержденье,
Когда вся кровью изопшла.

Поверь, поэт: минуют годы
И воздадут хвалу тебе,
Но кровью обогрятся всходы
Тебе подобных по судьбе.

В одной руке — венок лавровый,
В другой — алкающий топор.
Двуличен мир! Его основы
Гнусней, чем ложь, страшней, чем мор.

Людская подлость беспримерна:
Ни кары, ни конца ей нет.
Глядит в века с тоской безмерной
Весь окровавленный поэт.

III

За ростом человеческого духа
Следит неумолимый зверь-палач
С мечом в руке: он требует расплаты
За краткий взлет в пределы Божества.

Он знать не хочет ни высот, ни глубей:
Он весь земной — и им владеет страх,
Он защищает свое царство страха,
Отступников он превращает в прах.

Усердно он законность соблюдает —
И горы трупов высятся вокруг!
И не дерзают храбрые из храбрых
Подняться в высь, преодолев испуг.

Лишь гений с палачом в единоборстве:
Пока последний меч свой занесет, —
Успеет гений сделать вызов тлену
И смертным часть бессмертья передать.

1936, Москва; доп. в 1943, Челябинск

У беспредельности

Цветок любви — нарцисс живой —
Ты, расцветая, увядаешь,
И в лоно жгучею смолой
И острой дрожью проникаешь.

Могучим корнем прорасти
В глубь влаги, томной и любимой
И вместе с нею испусти
Огонь и стон неодолимый.

О, знаешь ли какой закон
Таится в этой мгле любовной,
Какой стихиею духовной
Прах в бесконечность превращен?

Нам мир неясен до конца
И эта тайна недоступна,
Объединяя совокупно
Все беспредельности Творца.

1936, Москва; доп. в 1943, Челябинск

* * *

С надеждою и верой бесполезной
Самоубийственно над самой бездной
Спешим домой, но меркнет Божий свет;
Нет тех людей, которых мы любили,
Нет тех лесов, в которых мы бродили,
Ни ласки, ни тепла, ни крова нет.

1940, Москва

* * *

Не враг народа я, но враг убийц народа,
Чьи имена суть мрак пред именем свободы,
Чьи имена суть ночь пред светлым ликом дня,
О, могут ли они не обвинять меня?

Пуускай они грозят, безумствуют, ликуют,
Но гибельный конец уже тревожно чувуют,
Затем, что будет час, когда иссякнет ночь
И Солнце филинов разгонит в душла прочь.

Природой им даны глаза, что ночью темной
Обозревают стан своей орды наемной
И адский замысел готовят в темноте,
И растлевают дух с мечтой о красоте.

1916 г., Галиция, действ. армия

Восход Луны

По алюминиевым ступеням облаков
Луна вошла в мой дом:
Засуетились тени, замелькали
И тонкие, серебряные нити
Из окон протянулись в темный угол.
Все ожило: чернильница, подсвечник, телефон,
А колокольчик быстро завертелся
И тонкий звон наполнил кабинет.
Я встал из-за стола
И вышел ей навстречу —
Знакомке старой:
«Здравствуй, входи
И будь, как дома!»
Она вошла,
И целый дом наполнился
Сияньем светло-голубым,
Зеленым звоном
И прохладой.

1940, Москва; испр. в 1943, Челябинск

* * *

Теперь, когда подведены итоги
И жизнь моя — вся жизнь передо мной
Стоит как тьма... А гробовые дроги
Ко мне спешат, чтоб увезти домой.

С каким ожесточением, омерзеньем
Смотрю на жизнь — и странно — не стыжусь
И черных дней, прожитых с озлобленьем,
И осужденья сердца не боюсь.

Потомок наш в сияньи чистом детства,
Поймет ли он весь ужас страшных лет
Всеобщей лжи кровавое наследство
Исчадь тьмы и преисподней бред.

Поймет ли он, что не вольны мы были
Ни вызволить себя, ни уничтожить нас, —
В холодном ужасе на годы мы застыли,
И мир был пуст, и нас никто не спас.

1941, Челябинск

Стансы к женщине

Пусть жизнь уж пройдена и бита жизни карта
И я стою в конце течения времен,
Но я люблю тебя — Любовь моя Астарта, —
Единую тебя из всех прекрасных жен.

Не будь тебя — весь мир стал шуткою б бесцельной,
Ужасной шуткою, разыгранной со мной:
Ты — Космос для меня — бескрайний, беспредельный,
От самых дальних звезд — до глубины земной:

Ты — в голосе ветров, ты — в уходящей дали,
Ты — в утренней заре, ты — в пении соловья,
Ты мной занесена в великие скрижали —
В перл человечества и в светоч бытия.

Ты — всюду предо мной, хотя тебя не знаю,
Ищу тебя и жду я в таинствах мечты,
И в каждой жизни миг тебя я призываю,
И верю: ты — со мной, лишь невидима ты.

Я говорю с тобой на языке понятном
Лишь только нам одним — и ты даешь ответ
С глубокой мудростью, возвышенной стократно,
Как прорицание незыблемых судеб.

Вообразать тебя, ресницами касаться
Твоих изогнутых и ласковых ресниц.
Молиться на тебя, тобою любоваться
И пасть к твоим ногам поверженному ниц, —

И пасть, чтоб целовать следы твоих сандалий,
И лицезреть сквозь мрак твой незакатный свет
И руки простирать в неведомые дали
В надежде вновь напасть на твой незримый след, —

И изойди в слезах восторга и томленья;
О, я познал Любовь, которой нет конца —
Необозримую, как Божества виденье,
И непостижную, как творчество Творца.

И умереть с тобой, чтоб испытать блаженство:
Разрушить времена и обезглавить плоть,
И за последний взгляд — печали совершенство —
Свое трепещущее сердце проколоть.

Да, умереть любя, твоей руки касаясь,
С тобой в общий миг, коль это суждено:
Так льются реки мира, в море изливаясь,
Чтоб слиться с вечным морем в вечное одно!

1941, Ленинград; испр. в 1955, Караганда

* * *

Сладок, ясен детский сон
И молитвой полон,
Мой же темен и смущен,
Думами взволнован!

Хорошо дитяте спать,
В небе видеть Бога, —
Мне ж томиться и страдать,
Вечная тревога!

И не мил великий день
Рождества Христова,
Потому, что всюду тень
Друга дорогого!

Далеко, в чужой стране
Милый изнывает,
И лишь дух его ко мне
Ночью прилетает!

Миновали, унеслись
Дни бы эти злые,
Как на елке бы зажглись
Огоньки святые!

Сколько мы узнали б вновь
Радости, веселья!
Эти думы только кровь
Отравляют — зелье!

Но по-прежнему стоит
У врагов темница
И в тревожном сне не спит
Мыслей вереница!

*Опубликовано в газете
«Калужский курьер»
25 декабря 1915*

Нашествие ночи

Из черной пропасти извергнутая тьма
Катится по миру беззвучными клубами,
Вращает черными, с полмира, жерновами,
И в черный порошок дробится явь сама.

Все гуще чернота, все непроглядней мрак
И мира зримого быстрее уничтоженье,
Лишь думы черные в стремительном движеньи,
Ударясь в небосвод, взрываются впотьмах.

1941, Челябинск; испр. в 1943, там же

* * *

Кончен, оборвался наш рассказ:
Ты пришла ко мне в последний раз,

Ты в последний раз мне принесла
Тихий образ юного чела.

Долго я смотрел в твои глаза,
Только заискрилась в них слеза,

А потом прорвался слез ручей,
Только мой он был или ничей.

Так и не узнал я ничего:
Ты меня ль любила одного

Или многим отдавалась ты
Среди пошлой жизни суеты.

Много я хотел тебе сказать,
Много от тебя хотел узнать;

Все сокрылось в бездне бытия,
Кануло, исчезло: ты и я.

1941, Челябинск

* * *

В приметах и судьбе — таинственная связь,
И жизнь плетет из них причудливую вязь
И непонятное, незримое вокруг
От сна глубокого тебя пробудит вдруг.

Увы, свершилось! Один вопрос: зачем?
Весь мир вокруг тебя — и слеп, и глух, и нем,
И лишь в душе твоей есть чудное окно
В неведомый нам мир распахнуто оно.

1941, Москва

* * *

Ужасней истины нет в мире ничего,
Будь от нее подальше, смертный,
И мрак незнания своего
Храни, как некий дар заветный.

Священный мрак, он сердцу тем милей,
Что светит нам в часы тоски и бденья.
Люби его, войди в него смелей
И возбуждай игру воображенья.

1941, Челябинск; 1952, Караганда

Мир

Мерцает все — и потому мир страшен.
Он мечется, трепещет и течет
И остовы остроконечных башен
Чертят и ковыряют небосвод.

В нем постоянства нет и никогда не будет:
Все переменчиво, и каждый миг
Он страдает, наслаждается и любит —
Одно мерцание, безумство, крик.

1942, Челябинск

Бесконечности

Черновой набросок

Даны нам бесконечности на небе:
Пространство внеземное бесконечно
И звезд числа вовек не перечесть,
И на земном пределе беспредельны:
Пучиной вод — моря и океаны,
Песком зыбучим — жгучие пустыни
И жгучей скорбью — сердце человека.

1943, Челябинск

Моя скрипка

Ее любовно сотворил
Скрипичный мастер Давид Техлер,
Он часть души в нее вложил:
И вот, она звучит, как эхо.

Как эхо отдаленных дней
Под италийским небом синим,
Где откровенней и ясней
Поют сердечные святыни.

Она изящна и легка —
За триста лет не раскололась;
Ее улучшили века:
Стал глубже тембр, полнее голос.

А форм девичьих аромат,
Благоуханье канифоли
Непостижимое творят,
Волнуют сладостно, до боли.

Ее поверхность, как атлас,
А деко — розовое тело,
Бесстрастием пленяют нас
Пока душа не заалела.

Она, как женщина, нежна,
Слегка кокетлива, капризна,
И, как ревнивая жена,
Порою полна укоризны.

За много лет сдружились мы,
И обоюднo поллюбили,
И вот, из отдаленной тьмы
Звучат трагические были.

Ее Липинский обучал,
Смычком касался Паганини
И ураганы излучал
Из недр насыщенной святыни.

Ее сопровождал Шопен,
Артист болезненно-печальный,
Когда, средь жизненных измен,
Свершал свой подвиг музыкальный.

Она видала грозный час —
Почти убийцей стал Липинский,
Но Паганини не угас —
Божественный и сатанинский.

Свидетель! Страшные дела
Восстанови в своих звучаньях, —
Но повесть нежная светла
О человеческих страданиях.

Мне было лишь двенадцать лет,
Когда тебя, о, дар чудесный,
Перстами тронул твой поэт,
Наивный, робкий, безызвестный.

С тех пор... о, скольких я любил
Прекрасных девушек и женщин, —
О, сколько счастья пережил,
Увы, и горестей — не меньше.

Когда пылающим огнем
Терзала сердце мне утрата,
Преображались мы вдвоем
В пьяниссимо иль пиччикато.

Простертый на земле ничком
С душой в распаде и в разрухе
Я брал тебя — и под смычком
Рождались огненные звуки.

И вместе с ними воскресал
Мой дух в пленительных надеждах,
Я верил в будущность — вставал
В неувядающих одеждах.

Я забывал земную боль
И, страстным звуком ободренный,
Срывал томящую юдоль
И шел вперед непобежденный.

Где ты теперь, мой старый друг?
Кто тебя держит и ласкает?
Кто свой сжигающий недуг
В твои звучанья облекает?

А я... судьбиною согбен,
Сквозь сумрак бедствий и лишений,
Порою слышу нежный звон
Твоих бессмертных утешений.

1943, Челябинск

* * *

В час ночной, по тропам сердца
Бродят тайные мученья:
Раздирающие скорби
И смертельная тоска;

Рвутся, просятся на разум,
Только кто-то не пускает:
Слишком страшны эти муки —
И не вынести уму.

И в груди томится сердце.
Бьется птицей в темном склепе,
Без сочувствия родного,
Одинокое, одно.

1943, Челябинск

Созерцание

Мне ничего не надо в мире:
Я — созерцатель, я — один.
Я наблюдаю как в эфире
Клубится еле зримый дым.

Будь то игра воображенья
Или оптический обман
Без смысла, веса, без значенья:
Он мне — единственному дан!

Пускай проходят люди мимо —
Он недоступен никому:
Элладе, Вавилону, Риму,
Лишь — созерцанью моему.

Пускай незрящие смеются —
Им этот знак непостижим:
В эфире горнем дымки вьются,
Богам понятные одним.

1943, Челябинск

* * *

Все приму от этой жизни страшной —
Все насилья, муки, скорби, зло,
День сегодняшней, как день вчерашней —
Скоротечной жизни помело.

Одного лишь принимать не стану —
За решеткою темницы — тьму,
И пока дышать не перестану
Не приму неволи — не приму.

1943, Челябинск

Гипократу

Ночные небеса в сиянье тайном звезд
Роднят меня с тобой сквозь бег тысячелетий:
Все те ж они, как встарь. И те ж миллиарды верст
Разъединяют нас. А мы — земные дети —
Глядим в ночной простор с поднятой головой,
Хотим в сияньи звезд постичь законы мира,
Соединив в одно их с жизнью роковой
И тросы протянув с Земли до Альтаира,
Я, как и ты, смотря на лучезарный хор,
Стараюсь пристально проникнуть в сочетанья
Живой мозаики, хочу понять узор
Явлений жизненных и звездного сиянья.
Для нас весь этот мир — родное существо,
Столь близкое душе, столь родственно-простое,
Что наблюдать за ним — для мысли торжество,
Что радостно будить молчанье вековое
В туманностях, во мглах, во глубине земной
И в электричестве воздушном или звездном,
Вскрывать покрытые глухою пеленой
Перед невеждами — космические бездны.
Для нас едино — все: и в малом и большом.
Кровь общая течет по жилам всей вселенной.
Ты подошел ко мне, и мыслим мы вдвоем,
Вне всех времен земных, в отраде вдохновенной,
И вне пространств земных. Бежит под нами мгла,
Стихии движутся в работе повсеместной,
Бьет хаос в берег наш; приветливо светла
Глядится из глубины небесной.
И явственно сквозь бег измышленных времен

И многомерные, крылатые пространства
Пронизывают мир незыблемый закон —
Стихий изменчивых под маской постоянства.
И вот редет мгла. Из хаоса стремят
Формотворящие строительные токи,
Иные времена иным мирам дарят
И утверждают их движения на сроки.
И в созиданиях мы чувствуем полней
Взаимодействие стихий между собою —
И сопряженное влияние теней
Отброшенных на нас вселенскою борьбою.
Мы дети космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир — весь мир сосредоточен...
И жизнь — повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества — от края и до края
Покрытая для нас еще великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая...
Как жалкие рабы, поденщики несут,
Сквозь зависть клевету, озлобься брат на брата,
По крохам маленьким свой безымянный труд
На завершении творений Гишпократа.
Одним лишь нам с тобой так истина легка
И так ясны пути бесстрашных обобщений,
Что руки братски жмем друг другу сквозь века,
Учитель мой и друг, мне равноценный гений.

*Начато в 1915, Калуга; продолж. в январе 1943 в Челябинске
и законч. в 1952 в Караганде*

Подсолнечник

Лик Солнца у тебя, подсолнечник простой:
Посередине диск, вокруг — протуберанцы.
Так видятся они во времена затмений,
Когда Луна собой загородит светило
И в грозном небе вдруг зажжется излученье.
Цветок-подсолнечник и Солнце — вот сравненье!

Но ближе всмотримся в престранную игру:
Но только внешне нас удивляет сходство,
А то, что каждый день, с восхода до заката,
Подсолнечник следит за братом в небесах!
Весьма настойчиво, внимательно, упрямо,
Направив на лучи свою головку прямо,

Два братца кровные в сияньи золотом,
И оба каждый миг брат брата зорко видят,
Брат перед братом как с докладом предстают —
На небе — Солнца диск, а на Земле — подсолнух!
Что значит это вдохновенное сближенье:
Сочувствие иль тайное отоображенье?

Растолковать все это можно просто так:
Не вызреть семечкам подсолнуха за лето
Стой неподвижно он, как блин на огороде.
Природой сотворен он, как гелиостат,
Что движет зеркало за диском Солнца вечно
Пружиной пущенной, стальной и долговечной.

Но сердцу хочется сказать совсем не то!
Так и поэзия в пустой войне с наукой,
По сути же у них — единый корень:
Обязаны служить единому — познанию,
Познание же, друзья, вмещает все в себе:
Материю и дух в единстве и борьбе.

1943, Челябинск

Математические папирусы

В глубоких недрах мозга человека
Таится знание всего. Лишь надо
Открыть пути к далеким этим недрам,
И вверит нам природа свои тайны.
С каким волнующим благоговеньем
Смотрю на вас, папирусы Египта,
С геометрическими чертежами,
Началом алгебры и знаком π .
Египтяне, проникли вы бесспорно
В неведомое нам и до сих пор;
Уменьем измерять вы подчинили
Мир тяжестей, объемов, расстояний;
Путем простейшим вы верхов достигли;
К ним все еще стремится наша мысль.
Вы небо взяли приступом, но все ж
На Землю опирались крепко вы
И в треугольниках священных ваших
Начало покорения Земли.

1943, Челябинск

Гимн Солнцу

Египетский памятник XV века до н. э.

Чудесен, восход твой, о, Атон, владыка веков
вечно-сущий!

Ты — светел, могуч, лучезарен, в любви
бесконечно-велик,

Ты — бог сам себе пожелавший; ты — бог сам себе
создающий,

Ты — бог все собой породивший; ты — все оживил,
все проник.

Ты создал прекрасную Землю для жизни
по собственной воле,

И всю населил существами: на крыльях, ногах,
плавниках;

Их праха поднял ты деревья; хлеба ты размножил
на поле,

И каждому дал свое место — дал пищу, покой,
свет и мрак.

Ты создал над всем Человека и им заселил
свои страны;

В числе их Египет великий; границы провел ты всему;
Все славит тебя, все ликует и в храмах твоих

музыканты
Высокие гимны слагают — живому творцу своему.

Приносят державному жертвы — угодные жертвы
земные,

Ликуя и славя, о, Атон, твой чистый и ясный восход,

Лучей золотых, живоносных не знают светила иные:
Лик Солнца едино-бессмертный все движет вперед
и вперед.

Я — сын твой родимый, о, Атон, взносящий
священное имя
До крайних высот мирозданья, где в песнях ты вечно
воспет;
Даруй же мне силы, о, Атон, с твоими сынами
благими
Дорогой единой стремиться в твой вечно-ликующий
свет.

1943, Челябинск

Шу-Ра

Обоим, боги, вам я поклоняюсь страстно, —
Бог чистый Воздуха и Солнца ясный бог!
Я посвятил вам жизнь — и будто б не напрасно:
Здоровье я свое, вам кланяясь, сберег.

Среди других божеств — вы лучшие два бога:
Мы дышим воздухом — и Солнце нас живит.
Я изучаю вас прилежно, долго, строго;
Я нечто в вас открыл — и лаврами увит.

Что будем мы друзья, — то знали при рождении
Мои родители — с небес извещены:
Вы оба божества — довольны без сомненья, —
Что в имени моем в одно совмещены.

1943, Челябинск

Мера жизни

Часами я сижу за препаратом
И наблюдаю жизни зарожденье:
Тревожно бьется под живым субстратом
Комочек мышц — о, вечное движенье.

Движенье — жизнь. Сложнейший из вопросов.
Но все догадки — все, бесполезны.
Возникло где? Во глубине хаосов?
Пришло откуда? Из предвечной бездны?

Бессилен мозг перед деяньем скрытым:
Завеса пала до ее предела:
Здесь времена космические слиты
В единый фокус — клеточное тело.

Я тон усилил до органной мощи
Катодной схемой, — слышу ритмы струек:
Несуществующее, а уж рошчет!
Неявленное, а уж протестует!

Должно быть жизнь — заведомая пытка —
В зародыше предвидит истязанье:
В разворачиваньи жизненного свитка
Звучит по миру жгучее страданье.

Но страшны тоны сердца, и тревога
За бытие земное не случайна.
Да мера жизни — это мера Бога
И вечно недоступная нам тайна.

1943, Челябинск

Плиний Старший

Г. Н. Перлатову

Ты скипетр нес природы изученья
И созерцал торжественно один,
Как погибали в лаве изверженья
Помпея, Геркуланум и Стабин.

Ты наблюдал за свистопляской фурий
И не закрыл внимательнейших глаз,
Когда в тебя ниспровергал Везувий
Кипящий дождь и ядовитый газ.

Ты устоял пред бредом бездны черной,
Глядел в нее, не отвратив лица:
Познания Гений — истинный ученый
Был на посту до смертного конца.

1943, Челябинск

Натуралистам

Одни природу изучают в поле
В лесу, в степи, на горах, на воде, —
На широчайшей, поднебесной воле,
При Солнце, при комете, при звезде.

Дня них весь мир — единое, живое:
Во всем есть смысл и всюду разум есть!
Недаром бьется сердце мировое —
Страдающих существ не перечесть.

Другие — в тьме своих лабораторий;
Труп разложив на слюни или желчь,
Пытаются в великом общем строе
Единое разбить и растолочь.

Для этих мир — тьма низких механизмов:
Пустой рефлекс — и больше ничего!
Слешцы! Заблудшие среди софизмов,
Не видят дальше носа своего.

Нет, сочетая строго воедино
И жизни дух, и вечный ее прах, —
Мы веруем в одно неколебимо,
Что будущего Истина — в сердцах!

1943, Челябинск

Противоборство

О, двойственная жизнь! В каком противоборстве
Существовать ты в тьме обречена:
Начала борются в сверхжизненном упорстве,
Исчерпывая муть познания до дна.

Взлелеянное днем, ты убиваешь ночью,
Цветение души ты превращаешь в смерть,
И сладострастие преобразуешь в корчи
И беспредельности повелеваешь: мерь!

О, как ты рада всем великим несогласьям,
Несовместимости, разладу и вражде.
Мучительно себя ты отдаешь во власть им
И двойственность творишь во все часы, везде!

И мы грядем в ночи в тисках противоречий
Единство жадно ждем еще надежд полны.
Увы, безумны мы. Двоится света встреча:
Восходят в небесах две ложные луны.

1943, Челябинск

Пейзаж

Тёрнеру

Бездны неба, дали и пространства,
Беспредельности морей и света
И поющие лазурью стансы
Красками объятого поэта.

Магия незримых переходов
Мглы туманной над землей весенней,
Огненное золото заходов,
Музыка тончайших светотеней.

Взять, что никогда неуловимо,
Удержать, что в мановенье ока
Изменяется непостижимо
С запада до крайнего востока,

Что играет в хлестких волнах моря
Многорадужной своей игрою,
Облакам и волнам моря вторя
И пучины вод лазурью роя.

1943, Иведель

Генрих Шлиман

Не сделали и тысячи людей
Великих дел, что сделал ты один!
Нам подарил великий чародей,
Микены, Трою и Тиринф.

Что значит страсть! Упрямство и напор,
Вращенное в душевной глубине!
Непостижимо, как проник твой взор
В великую сокровищницу недр.

Ты человечество нам поднял из глубин,
Проник в истории таинственный подвал
И легендарные преданья старины
Волшебно осветил и оправдал...

По воле ты расширил горизонт,
Не убоясь завистливых химер,
Извлек на свет из глубины времен
И ожил вдруг божественный Гомер!

1943, Челябинск

Гете

История, не думая, тебя простит:
Пороки, слабости, ошибки, заблужденья
За сверхвеличие бессмертных дел твоих.
Но лишь двух слов простить не сможет — не простит:
Кровавых слов, начертанных в знак осужденья
Тобой на смертном приговоре: «auch ich».

1943, Челябинск

Достоевский

Ты совершил кощунственное дело
И вопреки учению Христа
Разворотил всю душу до предела,
Обшарил в ней все черные места.

Купаясь в беспредельно-мрачных далях,
Ты нам расторг зловеший этот мрак:
Кишечный тракт души во всех деталях —
Трансверзум, ректум, выделенья акт!

Мы о душе познали слишком много
Столь гнусно-омерзительных вещей,
Что возроптали, бедные, на Бога, —
Убожества из мяса и хрящей!

Но свят Господь! Все мерзости утробы
Он с лучезарным сердцем съединил,
И мирно покорились мы без злобы
Владыке всех животворящих сил.

Так, в двух мирах течет земное бденье,
И наблюдаем непрестанно мы
Души богоподобной излученье
Средь мерзостей необоримой тьмы.

Дабы постичь надземные вершины
И одолеть непроходимый мрак,
Должны мы протащиться сквозь низины
Всех преисподен, всех земных клоак.

1943, Челябинск

Ремесленники и творцы

Терпеть я не могу беспечных храпунов,
Ведущих жизнь свою средь сладких утешений,
Обласканных судьбой, под сенью мирных снов,
Без горя и борьбы, страданий и лишений.

Как крепко спят они! Невозмутимый сон
Их продолжается по двадцать часов в сутки:
Проснутся, поедят, почешут афедрон
И снова засопят в свои ночные дудки.

Им чужд дух творческий. Станок и ремесло
На проторенные приводят их дороги.
Творцы — в волнении. Их окружает — зло
Спокойствие и сон у них отняли боги.

Их гонят, их язвят, их ненавидят все,
В остервенении бесстыдном и убогом.
Гнетет их клевета на огненной стезе,
И творчески, их дух поддержан только Богом.

1943, Челябинск

Хлеб

Хлеб наш насущный
Даждь нам днесь.

«Отче Наш»

Ни во что ставящий малое
мало-помалу сам приходит в упадок.

Соломон

Каждая корочка хлеба священна!
Каждая крошка и каждый кусок!
Хлеб — это труд беспримерно тяжелый,
Труд на полях — бесконечно высок!

Тот, кто изведал нужду и лишения,
Тот кто в тюрьме без конца голодал,
Ведает цену священному хлебу,
Как бы кусок ни был сух или мал.

Роскоши кухни, тончайшие блюда,
Яства заморские, сласти, вино —
Все это бледно — насущного хлеба
Им заменить никогда не дано.

В хлебе таится великая сила.
Равной которой нигде не найти:
Тысячи лет позади им мы жили,
Тысячи лет будем жить впереди.

Да не уроним мы на пол небрежно
Да не наступим ногой мы на хлеб, —
Лишний кусок сбережем для голодных,
Кто без работы, кто нищ или слеп.

1943, Челябинск

Метаморфоз

Из тлена — из Земли подъемлют запах розы,
Левкой и ландыши — тончайший аромат:
Нерукотворные, священные наркозы,
Блаженных перемен необратимый ряд.

Из праха свой нектар ткут винограда лозы,
Миндаль и финики, лимоны и гранат...
Тайноутробные текут метаморфозы: —
Мир в поисках! Мир творчеством объят!

О, сердце бедное, из смерти, зла и праха,
Из смертоносных язв, сверхжизненных скорбей,
Слез окровавленных, терзающего страха
Ты, всепобедное, в борьбе земной своей, —

Точишь чистейший сок добра, благоволенья,
Величия души, любви и песнопенья.

1943, Челябинск

Табун на вечерней заре

Наполовину Солнце как бы в яме.
Лучи ползут, прикинув, по земле.
Пылает степь багряными огнями.
Овраги тонут в лиловой мгле.

Следит за Солнцем зорко конь-вожатый,
Священный диск прилежно сторожит,
И он заржал, и весь табун, объятый
Смиреньем общим, — нем и недвижим.

И смотрят лошади упорно-странно
На тающие в темноте лучи...
Молитвенно и как бы покаянно
Табун одно мгновение молчит.

1943, Челябинск

Смерть

В тот миг, когда испорченный мотор
Приостановит кровообращенье,
И скроет тьма упавших в бездну штор
Трагедии всеобщей представленье,

Не дрогнет мир, привыкший с древних пор
Размерное свершать круговращенье
И созидать божественный узор
В иллюзиях, в мечтах, в воображенье.

Все также будут смутно ворковать
Ручьи лесов, и солнечные блики
Мерцать, перемещаться, ликовать
По зелени площа и повилики;

Лишь жгучий страх провеет в чем-то сне
Да черный ворон каркнет на сосне.

1944, Ивдель

Микеланджело

Мятежный дух — слабейший из слабейших,
Муж вечности — дитя, владыка — раб...
Средь своры псов, гнуснейших и подлейших,
Ты был, увы, труслив, принижен, слаб.

Но, — гений мрамора, царишь державно
В сознании. Рожденные тобой
Творения — с одной природой равны,
Не с пошлой человеческой судьбой.

1945, Кучино

У осеннего моря

Сбросил я цепи изношенных мнений,
Этих порочных богов, —
Из чада прошло-коварных пленений
Скрылся к ветрам берегов.

Здесь, где сапфирная пена клубится
Бьется о холод камней, —
Есть одинокая пленная птица —
Спутница жизни моей.

Тени блуждают над призрачным морем,
Смутны земные края,
Крылья простерла над морем и горем
Пленная птица моя, —

Падает в глуби, врезается в тучи,
Ищет чего-то во мгле,
Ей не уйти от судьбы неминучей
И утомиться во зле.

Вечно среди непомерных смятений,
У непостижного дна —
Спутница отблесков, бликов и теней
Мечется в безднах она.

1952, Караганда

Отцу

* * *

Пускай поруган он злодейским нашим веком, —
Ни одного пятна не зиждится на нем:
Он в человечестве был добрым человеком
Он и в семействе добрым был отцом.

1916

Отцу

И ты, боец, устал бороться,
И ты подкошен сей борьбой:
Твой верный конь в лугах пасется
И не несет тебя на бой.

Еще недавно, полный силы,
Ты о победах говорил;
Теперь — как на краю могилы,
Стоишь ты — мрачен и уныл!

И безнадежно и печально
Ты смотришь в пасмурную твердь!
Отец! Что там за степью дальней?..
Что там: победа или смерть?

Июнь 1917, Калуга

Безумие

*Посвящается светлой памяти моего отца
Леонида Васильевича Чижевского
(1/I 1861 г. — 14/IV 1929 г.)*

Неверный мир, где все необычайно
Искажено для бодрствующих глаз,
Где каждый шорох поражает нас,
Где каждый блик встает пред нами тайной.

И мы глядим на произвол случайный
Стихийных сил — и слушаем рассказ,
Но проблеск есть — и приступы гримас
Коробят мозг, на миг один бескрайний.

Повсюду — тьма. Безгласно все кругом.
Все беспредельности объяты мертвым сном.
О, дух, родись во мраке ночи вечной.

Летят шары по бездне бесконечной.
Ответа нет. Решенья не дано.
Во тьму глядит безумие одно.

1929, Москва

Памяти моего отца

Тебе, с которым я делил
Мои прозрения и думы —
Пусть рок нас бездной разделит
Непроходимой и угрюмой —

На сфере вдохновенных крыл,
Сквозь наслоений мрачных суммы,
Я посылаю в мир могил
Сонеты — плод моих раздумий.

Коснись их волей неземной
Своей души кристально-ясной,
Благоволением прекрасной...
Быть может, слабый голос мой

В пределах, отданных страданию,
Созвучен будет Мирозданию.

1943, Челябинск

In Distant

*Посвящается Л. В. Чижевскому
14 апреля 1929*

Великая любовь и дружба
Меж нами были: меж отцом и мною.
Он душу отдал мне, и посвятил
Всю жизнь свою заботам неустанным
И о моем здоровье, и о моих познаниях.
Он чувства два в себе объединил
И их направил мне на благо:
Заботы матери, которую я потерял младенцем,
И долг отца — из сына

Разумно воспитать гражданина.
Так жили с ним мы душа в душу
Тридцать два года... Ежедневно,
Друг друга извещая о себе...
Я смерть отца провидел уж давно,
И в снах, инаяву: слабело сердце
Старика, измученного цепью испытаний,
Лишений, гадостей, обид незаслуженных...
Как ни скрывал он от меня недуг,
Припадки болей предсердечной и тоски,
Я знал его болезнь и постепенно
Готовился принять ужасное известье,
Надеясь в тайне, что судьба моя не будет столь жестокой
И мой отец — не год и два и три, а боле —
К великой радости моей — еще протянет.

Судьба по временам нас разделяла:
Я жил в Москве, в Калуге — он. —
И вот в весенний яркий вечер —
Четырнадцатое апреля было —
Между восьмью и десяти часами
Я вышел из дому — прогулку совершить.
Неподалеку — на Тверском бульваре, где я жил
В весеннем, радостном, блаженном настроении
Я шел меж еле зеленеющих деревьев
И песенку при этом напевал.
И вдруг... на фоне распускающихся листьев
И ряда стройных зданий, погруженных в светлый
сумрак
Я увидел полупрозрачную картину:

Отца, лежащего беспомощно в постели,
С опущенной рукой с закрытыми глазами...
Ночную лампочку под синим абажуром,
Его большую чашку с чаем на столе и
Выпавшую книгу на полу.
И я все понял в этот краткий миг:
Отец — скончался.
Я остановился, взглянул на свод небес,
Вздыхнул, а слезы, слезы застилали зреньё,
Когда я на часы смотрел, не замечая стрелок.
Но тотчас же преодолел себя:
Мои часы показывали — девять.
Я резко повернул назад и быстрыми шагами
Пошел домой, чтоб вещи уложить:
В двенадцать с половиной ночи
Калужский поезд отходил с вокзала.
Вернувшись, быстро собрался
И ожидать стал телеграмму от родных:
В томленьи необъятном,
Порой слезами заливаясь ждал.
И вот, действительно, в одиннадцать часов
Звонок раздался. Я все знал заранее
Предвидел все и в руки взяв себя
Пошел навстречу страшной телеграмме.
Я знал, что почтальона я увижу,
Но как я не готовился к той встрече
Я поражен был всем своим рассудком,
Когда, действительно его увидел
И трепет холода по телу пробежал.
Он был не молодой уж человек

И дружески меня хотел он подготовить,
Пока из сумки кожаной он телеграмму доставал:
— Тяжелое известье вам... Но что же делать?
— Я знаю: умер мой отец?
— Болел наверно. О, господи! Старик отец..
— Да, да! ...Болеет или умер?..
В мгновенье ока смутная надежда
Закралась в сердце..
— Преставился... Все будем там. Не огорчайтесь.
И телеграмма подтвердила вещее виденье:
«Отец скончался в девять. Немедля выезжай».

А на другое утро я увидел
Уже реальную картину смерти.
Отец лежал еще в постели, как вчера в моем видении,
Лишь поднята была упавшая рука,
Державшая иконку..
И так же стол стоял с знакомой чашкой чая
И рядом книга — творчество мое.
Так в смертный миг отец со мной не разлучался!

И ныне, вспоминая этот факт,
Его решил я записать стихами
Не как поэт — а как натуралист:
*In distans actio** — удел науки!

1943, Челябинск

* *Actio in distans* – воздействие на расстоянии (лат.)

Т. С. Чижевской

Т. С. Ч.

Забудем все, простим. Без брани и досад
Уйдем с тобою в глушь, куда глаза глядят,
Подальше от людей, не мучаясь обидой,
Как Филемон ушел с супругою Бавкидой;

Посеем проса мы, посадим овощей,
Чтобы хватило нам для варки каш да щей,
И, может быть, приют уединенный
Юпитер посетит, к отшельцам благосклонный.

1941, Щельково

*Mare Tenebrarum**

Трудилась ты и отдыха не знала:
Весь день в работе. Много надо сделать,
Полезных дел в хозяйстве нашем бедном,
Чтоб зиму обеспечить скромной пищей,
Уютом деревенским и теплом.
Я — фантазер, натуралист, художник,
Восторженный природы наблюдатель,
Ни в чем тебе помочь, увы, не мог:
Весь день бродил, под Солнцем, по полянам
И наслаждался красотой красок
Да ароматом полевых цветов.

Тревожную и страшную эпоху

* *Море мрака (лат.)*.

Переживали мы. Коварный враг
Своею поступью неумолимой
Шел на Москву. Что делать нам? Бежать
Иль оставаться — грозный был вопрос —
В лесах заволжских, где тогда мы жили:
Меж Сциллой и Харибдой мы предстали.
Увы, судьба решила нашу участь —
Нам указали путь — в Сибирь, в Челябинск...

В тот черный день, работой утомясь,
Дремала ты, когда я подошел,
Чтоб разбудить тебя и сообщить:
«Мы едем! Решено!» — И сладкий сон
Ты, как ужаленная, прогнала
И на локте слегка приподнялась,
И ужас, да, смертельный дикий ужас
В твоих глазах в тот миг отобразился,
Как будто ты увидела все то,
Что нам готовила судьбина наша.
Я содрогнулся весь и странно замер,
И леденящий холод пробежал
Вдоль тела моего. И мы молчали
В зловещем и гнетущем созерцаньи
Грядущих бед, которые раскрылись
На малое мгновенье перед нами:

Таинственна предчувствия природа!
Явление его неодолимо!
В одно мгновенье мы познали все,
Что будущие нам определило,
Но презрели совет благоволенья

И вещи виденья разогнали.

Поведать должен: с самого уж детства

Боялся я Великого Востока
И не любил его: невольный трепет,
Испытывал всегда я перед ним,
Не ведая причины той болезни;
В ней было нечто прямо от инстинкта
Иль от предчувствия своих судеб.
Боялся я людей земли восточной,
Ее животных, гадов, птиц, растений,
Да и сама земля меня пугала
Какой-то затаенной в недрах тайной,
Которой лучше было не касаться.
И в снах, и на яву меня тревожил
Зловещий облик Древнего Востока
С его глухой, мистической культурой
Проникшей в дальние пределы духа.

Не дай, Господь, притронуться нам к тайне,
Что бедный ум осилить не сумеет.

И, глядя пристально в твои глаза,
Поколебался я в своем решеньи,
Но делать было нечего, и силы
Сильнее нашей воли гнали нас —
В глухую бездну *Maris Tenebrarum*.

Реальный мир тот ужас отогнал:

Уж через полчаса мы весело,
Вдвоем с тобой укладывали вещи:
(Пятнадцать ящичков моих трудов
Увы, быть может, никому не нужных).

И... мы поплыли в *Marae Tenebrarum*.

И что же? Что же? Каждый новый час
Нам беды приносил, и каждый день
Тяжелые страдания и лишения.
И каждый раз, когда мы в черных волнах
Метафизического Моря — Тьмы
Тонули, опускаясь на дно,
Я вспоминал всегда твои глаза
И черный ужас, в них отображенный.
Как ты была права! Предчувствие
Тебя не обмануло, и виденья —
Погибшей жизни, страшные виденья
Всецело воплотились на яву.
О, подведен мучительный итог:
Сам я — во тьме, и казнь мне угрожает,
Ты в нищете, лишениях и муках,
И чтоб продлить мое существованье,
Ты трудишься без устали весь день
Одна, как перст, в чужом, холодном крае,
И ждешь меня, и, может быть, напрасно.
Призон моя крепка, иссякли силы,
И, просыпаясь одинокой ночью,
В холодной и сырой моей гробнице
Я созерцаю Смерть перед собой
И каждый раз тебя воспоминаю,
И в черноте ночей твои глаза
Сияют мне в отчаяньи и страхе —
Пророчеством — пифийские глаза!

1943, Челябинск

Бетховен

Космогония Бетховена

Глухой Бетховен иступлений сладость
В неистой душе воссоздавал:
Необозримые печаль и радость
В космическом значении Начал...

И раскрывались солнечные дали
Благоволением просветлены.
И птицы в полдень майский щебетали
На лоне Дионисовой весны.

И в небе золотистом и сапфирном
Цвела неповторимая весна,
И счастьем неизведанным, всемирным
Душа была вполне напоена.

Но тьма звучала дьявольским напевом
И демоны свой поднимали рев,
Сверхчеловеческим гневилась гневом
Стихия зла у адских берегов;

И жег огонь страстей и вожделений
Живые души, и язык огня
Победные созвучья песнопений
Бросал в наш мир, мажорами звеня.

То были битвы грозных великанов:
Все мирозданье превращалось в дым,
Во тьме неизмеримых океанов
Метался дух бездомным и нагим.

И бредил дух пифийским страшным бредом,
И ясен был осуществленный бред:
Мир восходил к неведомым победам,
Но никогда не достигал побед.

И снова в мрак, зияющий, безлунный
Мир упал в определенный час:
В глухой тоске томились сердца струны
Зловещим хаосом разило нас...

Сквозь долгий строй земных тысячелетий
Созвучья древние услышал он,
И чуждым стал в бесстрастном нашем свете,
В пафóс иной вселенной погружен.

Так он вещал из молчаливой бездны,
Насыщенной звучаньем скрытых сфер,
Гармонией тех вихрей многозвездных,
Где борются Христос и Люцифер.

1943, Челябинск

Смерть Бетховена

В бреду, в огнях, в громах стихии
Он покидал предел Земли,
И фантомы немоглухие
На муки смертные пришли.

Ярились молнии, рвались тучи,
И вдруг два мира он постиг,
Но склонился в мир созвучий,
Чтоб вечно слышать святость их.

1943, Челябинск

Н. В. Энгельгардт

Н. В. Э.[нгельгардт]

Когда я уходил в безбрежность
По сожигающим пескам пустыни,
Ты принесла мне сердца нежность,
И чистые духа святыни.

Вокруг неистовствовала геенна,
Огонь опалил ресницы и веки,
Ты одна — благословенна
В душе моей — отныне — навеки.

Изуродованный, ничего не вижу,
Не слышу и не понимаю;
Только чувствую: ты ближе и ближе,
Ты — весь мир мой до самого края.

19 октября 1946 г., Долинское

Пес

Вздыхает пес. О чем вздыхает он,
Жилец забитый темного подвала?
В какие мысли бедный погружен?
Тоска ль любви несчастного объяла?

Иль вспомнил он задорный звук рогов —
Охоты звук, отваги, нападения,
Безумие и бешенство врагов,
Оскал зубов и жгучие раненья?

О, нет — не то! Из древности своей
Он вдруг извлек родимые просторы,
Дремучие леса, полет степей,
Зеленые долины, реки, горы.

И мир свободы — древний вольный мир,
И солнцу гимн, вызывающий и страстный,
И пир любви — всесоздающий пир,
Безбрежный, ненасытный и прекрасный.

И чувство необъятности во всем:
В сиянии дня и в тайнах звездной ночи
Пускай карает смерть своим мечом!
Пускай борьба коварней и жесточе!..

О, жизнь!.. А здесь — удары сапога,
Пинки под ребра, плеть, опейник, цепи,
Хозяин — вор, жена его — яга,
И так — сквозь бесконечности столетий.

Вздыхает пес — и малая слеза
Скатилась вдруг на тьму и холод пола,
Сверкнули увлажненные глаза...
Страшись, страшись людского произвола,

О, внешний мир! Неистовый Адам
Готов сгноить в темницах все живое,
И все попруть, и все свалить к ногам
В стенанье, вопле, скрежете и вое.

1953, Караганда

Содержание

СТИХОТВОРЕНИЯ

Средиземное море
Рождение весны
Знойный полдень
Осеннее раздумье
Весна в Тоскане
Флорентинский вечер
«Не проклинай мои желанья!..»
Сонет («Когда наступит миг, —
чудесный и святой...»)
Степной дорогой
Памяти Лермонтова
Сентябрьский день
Зимой
Вечерняя заря
Осенняя мелодия
Вечернее
Предутренний час
«И в вашей памяти людской...»
В родном уголке
Музыка
«В минуты тихие безрадостной печали...»
«Провидя сердцем непогоду...»
При въезде в Москву
Воспоминания
У памятника П. С. Нахимову
Родина
Величие человека
Из темницы
«В пылу сердечных увлечений...»

В Гефсиманском саду
Летний дождик
«Мы, как артисты, каждый день...»
«Страпась желанья своего...»
«Ужели суждено и мне...»
«Зачем мечтательные годы...»
К 80-летию убийства Пушкина
Осень
Весенний вечер
«Прости, последнее прости...»
«В этом мире беспредельном...»
«Вокруг, как прежде, жизнь кипит...»
На самолете
«Забьта лира... Стих молчит...»
Родина
В Муранове
Перед дуэлью
«Хотя б единый луч мерцал в ночи
беззвездной...»
Ночь перед боем
Поэзия
Поэт
Поэту («Понапрасну не терзай...»)
Поэту («Ты согрешил, но ты прощен...»)
Утопическая мысль
Человечество
«Опять пришел я в этот сад...»
«И ты прошла, как все проходят мимо...»
Вечерняя песнь
Стансы
Мгновенье

«Устав от суеты всеобщей...»
Во время бессонницы
Бессонница
Сны
Осенняя смерть листьев
«Как мне скучна людская суета...»
Весна
«Ночь. Тишина. Покой и сон...»
Тучкам
«Весь день томительный и скучный...»
Поздней осенью
Посвящение
«Ты помнишь ли: тогда цвела весна...»
Октябрь 1917 г.
«Я верю, верю: день грядет...»
Зимнее Солнце
В апреле
Первая зелень
«Вокруг — ни света, ни огня...»
Человеку
Моей матери
«Я лгал, когда на твой вопрос...»
«Уж я не первую весну...»
«Я мнил в преддверьи расставанья...»
«Все вернулось... Прежние свиданья...»
Приход весны
Числа
«Как страшно жить! Повсюду тень...»
Прощание
«Не зная, где искать покоя...»
России

«Хоть мы себя и сознаем...»
К. Э. Циолковскому
 («Бездарный пошлый человек...»)
К. Э. Циолковскому
 («Привет тебе, небо...»)
Летний вечер
Гимн материнству
Тождество
Одиночество
Ставни
Последний катаклизм
Безмолвие
Рассвет
«Люблю я с ветром говорить...»
Вихрь
Безнадежность
Пробуждение
«Легкомысленно море играло...»
Галилей
Старинные романсы
Лунный свет
Дидактическая мысль
Ночь
А. А. Фет
О России
Космос
«Жить гению в цепях не надлежит...»
Меланхолия
«Мир возникает из праха...»
О грядущем
1917 год

Материя

«Куда ни посмотри — повсюду злая кара!..»

«Пускай умру, но за собою в землю...»

«О, хмель любви...»

«Когда бы зримый мир был снят,
как покрывало...»

«Тропинка горная ползет по круче...»

Расставание

Памяти Ольги Васильевны Чижевской-
Лесли

Дремота

К портрету ***

«В науке я прослыл поэтом...»

Растения

«Во все века и все народы...»

I. «Во все века и все народы...»

II. «Терпи, поэт! Прими гоненье!..»

III. «За ростом человеческого духа...»

У беспредельности

«С надеждою и верой бесполезной...»

«Не враг народа я, но враг убийц
народа...»

Восход Луны

«Теперь, когда подведены итоги...»

Стансы к женщине

«Сладок, ясен детский сон...»

«Кончен, оборвался наш рассказ...»

Нашествие ночи

«В приметах и судьбе — таинственная
связь...»

«Ужасней истины нет в мире ничего...»

Мир
Бесконечности. *Черновой набросок*
Моя скрипка
«В час ночной, по тропам сердца...»
Созерцание
«Все приму от этой жизни страшной...»
Гишократу
Подсолнечник
Математические папирусы
Гимн Солнцу
Шу-Ра
Мера жизни
Плиний Старший
Натуралистам
Противоборство
Пейзаж (*Тёрнеру*)
Генрих Шлиман
Гете
Достоевский
Ремесленники и творцы
Хлеб
Метаморфоз
Табун на заре
«Не дрогнет мир, привыкший
с древних пор...»
Микеланджело
У осеннего моря

Отец

Отцу («Пускай поруган он злодейским
нашим веком...»)

Отцу («И ты, боец, устал бороться...»)
Безумие
Памяти моего отца
In Distans

Т. С. Чижевской

Т. С. Ч.
Mare Tenebrarum

Бетховен

Космогония Бетховена
Смерть Бетховена

Н. В. Энгельгардт

Н. В. Э.[нгельгардт]
Пес

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ ЧИЖЕВСКИЙ

МУЗЫКА ТОНЧАЙШИХ СВЕТОТЕНЕЙ

Главный редактор *Анаит Барагамян*
Ответственный редактор *Дарья Перова*
Корректор *Галина Барышева*
Верстка *Людмила Кулиш*

Подписано в печать 27. 11. 2013.
Формат издания 75х90 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,38. Тираж экз.
Заказ № .

Издательский дом «Комсомольская правда».
125993, Москва, Петровско-Разумовский Старый проезд, д. 1/23.
www.kp.ru, e-mail: kollekt@kp.ru

Издательство «НексМедиа».
117342, Москва, ул. Обручева, д. 34/63, стр. 1.
www.biblioclub.ru, e-mail: editor@directmedia.ru

Отпечатано: SIA «Prezes nams Baltic»
«Янсилы», Силакрогс, Ропажский район,
Латвия, LV-2133
www.pnbprint.lv

